

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2021. № 1. С. 89—110.

DOI 10.47475/2542-0275-2021-0110

«Хорошо еще, что у меня есть такой друг...»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову

В. В. Митрофанов

*Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества,
Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru*

Очередная публикация писем Е. Н. Калайдович, адресованных будущему академику С. Ф. Платонову, включает подборку за 1878 г. начиная с февраля. Они продолжают ряд тем предыдущих корреспонденций, например, их личные взаимоотношения, увлечение чтением русских писателей и поэтов. Много внимания уделено философским произведениям, общественным событиям эпохи. Е. Н. продолжает выступать в качестве объективного рецензента в оценке поэтических опытов её «маркиза».

Среди новых тем — появление нового знакомого В. Н. Беркута, который все больше занимает мысли и чувства Е. Н. Он же вызывает интерес и у С. Ф. Платонова, о чем свидетельствуют ряд записей в его дневнике. А после летнего очного знакомства у молодых людей начинается переписка. Среди главных обсуждаемых вопросов роль университета в формировании личности, изучаемые дисциплины и уровень преподавания.

Понимание ситуации в отношениях между Е. Н. и В. Н. приводят С. Ф. Платонова к сложностям в общении «маркиза с маркизой». Это обстоятельство чуть не закончилось разрывом. Для характеристики их контактов привлекаются публикуемые эпистолярные материалы, дневниковые записи С. Ф. Платонова и даётся отсылка на письма В. Н. Беркута. Все эти источники взаимно дополняют информацию и позволяют создать картину очень важного для всех субъектов переписки плодотворного взаимного влияния.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Калайдович, В. Н. Беркут, классическая литература, университет, общественная позиция, круг общения.*

В настоящей публикации помещается основная часть писем Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову за 1878 год¹.

Переписка между ними началась после личного знакомства летом 1877 г. и так захватила молодых людей своим высоким порывом, что отношения между ними становились все более открытыми и доверительными. Чтобы не вызывать подозрений у своей матери и особенно бабушки, частота писем была установлена одно в две недели. Но желание высказаться, а они нашли друг в друге родственные души, приводило к тому, что письма посылались порой и чаще. Но этот вопрос нужно было контролировать. Поэтому в письмах Е. Н. встречаются такие фразы: «Можете писать к 15-му», «Напишите не раньше 20-го», «Можете писать к 1-му сентября», «Пишите мне около 17-го». А причина такого регламента в принятых в обществе правилах. Свою бабушку Евгению Антоновну, хранительницу консервативных устоев в общении незамужних внучек с молодыми людьми, Е. Н. называет все-таки либеральной.

В публикуемых письмах отметим особенности,

¹ Публикуя переписку, мы продолжаем собирать сведения и о самой Евгении Николаевне. Так удалось выявить еще одну её публикацию [К вопросу..., 1927, с. 40—45].

которые отличают их от предыдущих. «Маркиза», сообщив первый раз 9 января 1878 г. о своем новом знакомом — В. Н. Беркуте, теперь это имя будет упоминать часто на страницах своих писем. Вскоре, 14 января оно появилось в личном дневнике С. Ф. Платонова, когда была сделана по этому поводу запись: «Мне посестрима описала одного её знакомого — Беркут и выразилась, что я немного похож на него. Портрет очень завлекательный и мне симпатичный. Одного только не прибавила Е. Н.: есть ли у него сила воли, энергия. Если есть, то Беркут — драгоценная личность; если нет, это — Рудин². Эта пропущенная черта меня интересует. Кто я, работник или болтун? Бианки говорит, что я вполне в состоянии буду работать, что из меня выйдет не еловая шишка, а дельный человек. Дай Бог!»³. Следует заметить, что в переписке корреспонденты часто делают сравнения, ссылаясь на литературных героев произведений, пользовавшихся интересом в среде «думающей» молодежи 1870-х гг. Вспомним, как

² Герой романа И. С. Тургенева «Рудин», опубликованный в 1855 г. В своем произведении автор, как известно, осветил проблему «лишнего человека», которая была актуальна в русской литературе XIX века.

³ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1217. Л. 3.

в письме от 10 января 1878 г. Е. Н. с восторгом отзывается о романе того же Тургенева «Отцы и дети». А Базаровым она «увлекается» и пишет, что «такого человека любить стоит» [Митрофанов, 2020, с. 166].

Вторая особенность — это частые воспоминания о летних днях, проведенных в доброжелательных беседах, в нескучном общении. Сообщаемые новости из Симонова, встречи и разговоры, которые были там, нагоняют тоску на «маркиза». Чтобы поднять своё настроение, он часто возвращается в воспоминаниях о пребывании в Харине. Считает оставшиеся месяцы до новой встречи. Эти волнения и ожидания зафиксированы и на страницах дневника. Например, 29 января сделана запись: «А в Москве я буду только чрез 7 месяцев... Редко мне удаётся живо, душою перенестись в прошедшее; живо, к[a]к бы в действительности, вспомнить Харينو. Моё воображение не устаёт потому, что оно давненько бездействует. Иногда спросишь себя, неужели вправду прожито всё то, что помнишь? Неужели действительны те картины, которые рисует память так заманчиво и тепло? Да, к счастью прожито, уже прожито. Я не люблю давать себе отчёта, когда живу, как живётся и что значит эта жизнь. Я в данную минуту довольствуюсь ощущением, что хорошо живётся. Так было и в Харине. Я не смотрел критически на свою жизнь, я там думал часто и много. Ночи иногда не спал, думал под аккомпанемент свиста Попова (удивительный нос!). Но я думал не о настоящей жизни, я думал о своём обществе, мечтал его переделать; я думал о себе, о своей нравственной переделке, о своём возрождении. Правда, что я долго думал и о моих теперешних друзьях; но всё-таки критического взгляда на ту жизнь, которой я жил в новой обстановке, не было»¹. Грусть не проходит, о чём свидетельствует дневник, где 2 февраля написано: «Я страшно начал скучать по Москве и моим друзьям. Так начал скучать, что скука переродилась в хандру. Если бы скорей увидаться!»². 12 февраля снова этот же мотив: «Все люди, все почти до единого противны мне. В эту минуту мне положительно необходима успокаивающая речь любимого человека. Но любимые люди далеко, беседа с ними невозможна, а здесь я один. Сознание своего нравственного одиночества тяжело, и я думаю, что это и есть причина моего скверного настроения. Часто, когда вспомнишь лето, делается так хорошо на душе, удваиваются силы, работаешь весело; но когда проникнешься

сознанием, что теперь-то я одинок, то положительно опустишься нравственно и только разум работает упорно и угрюмо»³. Порой находило отчаяние, например, 16 февраля на страницах дневника читаем: «Скучаю страшно по своим друзьям. Очень рад, что скоро буду писать им»⁴.

Это настроение передается и через отосланные письма, некоторые из них адресата даже «огорчают»⁵. Е. Н. находит много такта, нужных слов, убедительных приемов, чтобы развеять хандру своего юного друга. Она в письмах ведет с ним диалог, беседует, убедительно и настойчиво объясняет, например, как нужно относиться к женщине, как улучшить настроение.

Следует заметить, что и Е. Н. также часто вспоминает дни, проведенные в Харине. Свои летние встречи она передает в стихотворении. Хандра посещает и посестриму. Она ищет ответы на вечные вопросы, пытается понять саму себя, цель жизни. С кем ей поделиться, как не с другом, который у неё есть. Письмо от 7 марта насыщено такими вопросами. Оно путано, не последовательно, сбивчиво. Так быстро набегали мысли, которые Е. Н. не успевала изложить на бумаге. Она находит объяснение своего настроения в стихах любимого поэта Толстого. Грусть приводит к пониманию смысла стихотворения Лермонтова. Её возмущает «пустота нашей молодежи».

С. Ф. Платонов пишет об эгоизме и возрасте. Свое состояние пытается выразить в стихах, которые в оценке Е. Н., «прелестны» (эта продолжающаяся тема). Она же указывает на их содержание, одно посвящено памяти Некрасова, в другом отмечает подражание Гейне. Особенно Е. Н. радуют отзывы о стихах С. Ф. Платонова В. Ф. Кеневи́ча — известного педагога, переводчика, литературоведа, гимназического учителя С. Ф. Платонова. Но его запись в дневнике от 25 мая «а харинские друзья, которые первые сказали мне: пишите, вы не стихоплёт»⁶, свидетельствует о той поддержке, которую Евгения и её сестра Соня оказали ему в таком серьёзном увлечении. Осенние пробы пера связаны с переводами Гёте, получившие вскоре справедливую и честную оценку Е. Н.

Гимназист Платонов пытается думать о своей будущей профессии, он пишет о желании посвятить себя «служению образованию народному».

³ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1217. Л. 19-19 об.

⁴ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1217. Л. 23.

⁵ Здесь и далее текст, из публикуемых писем, выделенный курсивом специально не оговаривается.

⁶ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.1. Д. 1218. Л. 17 об.

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч.1. Д. 1217. 12—13.

² Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч.1. Д. 1217. Л. 16.

Поэтому стоит перед выбором — филологический или юридический факультет. Е. Н. же мечтает его видеть профессором. Она ждёт известий о «*блестящих экзаменах*». И вот гимназия окончена, и 20 мая выпускник получает поздравления. Результат общения в почти годовой переписке был замечательным. Признавая это, юный Платонов делает в своём дневнике 25 мая запись: «Страшно подумать, что бы было со мной, если бы не было Харина! Понимаете ли Вы, посестрима, всю грандиозность вашего дела? Понимает ли С. Ю., как она действовала на меня собою. Но... посестрима была первою женщиною, подарившей мне дружбу»¹. Теперь становится понятна роль Е. Н. в формировании С. Ф. Платонова в период его взросления. А 17 июня — день встречи с посетримой в 1877 г., который стал счастливым, повторился. Именно в этот день, ровно через год он получил аттестат зрелости. Об этом он помнит и делает запись в дневнике 18 июня: «17-ое число годовщина моей встречи с посетримой»².

Мысль, зафиксированная в дневнике С. Ф. Платонова о наличии воли у В. Н. Беркута, находит продолжение и в письме посестриме. Она и сама еще мало знала, но постепенно общаясь, все больше узнавала его, интересуется его семьёй [Митрофанов, 2019, с. 155]. Появляется желание «сойтись» с его сестрой Лизой, хотя есть и другая.

Долгожданная летняя встреча между молодыми людьми, заочно знакомыми через письма Е. Н., состоялась. Были установлены товарищеские отношения. После летнего общения начинается многолетняя переписка [Митрофанов, 2019, с. 166-218]. Первое письмо от В. Н. Беркута датируется 3 сентября 1878 г. Оно содержало объяснение его отношения к Е. Н. Это обстоятельство способствовало тому, что первое письмо для Е. Н. от С. Ф. Платонова, полученное после летних встреч, было написано официальным стилем, что вызвало её удивление и недовольство. А С. Ф. Платонов предлагал даже разрыв отношений. Всё это подтверждает догадку В. С. Брачева о серьезном увлечении юноши [Брачев, 2010, с. 33]. На душе самой Е. Н. было беспокойно. Об этом свидетельствует то, что за ответ «маркизу» она принималась 3 раза. Начиная с этого письма, Е. Н. будет постоянно брать под защиту В. Н. Беркута, оправдывая его, в том числе и за задержку писем. Но он и сам в письме С. Ф. Платонову честно признавался, что главной его чертой является «*лень*» [Митрофанов, 2019, с. 189, 206].

¹ Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1218. Л. 20 об.

² Дневник С. Ф. Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1217. Л. 26.

В отношениях Е. Н. и С. Ф. Платонова наступает определенное охлаждение. Оно было заметно еще весной, например, изменение в манере общения. Так в письме от 11 апреля Е. Н. обращение на «вы» пишет с большой буквы, хотя затем возвращается к прежнему написанию. На это указывает и содержание писем. Одно из них, написанное в начале сентября, казалось Е. Н. «*чужим и сырым*» и нет в нем «*задушевного тона*». К такому повороту в этот период наши герои были не готовы, но появилась уже «*надтреснутая нота*». Происходит и объяснение в отношениях. Е. Н., отвечая на поставленные вопросы по этому поводу, пишет совершенно откровенно, что она «*та же осталась к вам*». Ей не хотелось терять проверенного, как она пишет, «*старого друга*», когда есть с кем поделиться о своих проблемах, почувствовать поддержку. Встреча с В. Н. Беркутом способствовала тому, что она изменилась, она по-настоящему полюбила. И это увидел её побратим. Но эта любовь не могла и не должна помешать их дружбе. А для неё время летит, она окрылена новой встречей, которая принесет ей долгожданное удовлетворение.

Короткое письмо от 18 октября должно успокоить маркиза в том, что она по-прежнему его любит. В её доме произошли неприятности, как свидетельствует следующее письмо. Причиной тому был В. Н. Беркут. А 27 ноября Е. Н. впервые называет его «*мой Владимир*».

С. Ф. Платонов с пониманием относится к такому выбору, но это затрагивает его самолюбие. Понимание с Е. Н. достигнуто, они остаются хорошими друзьями, но этот мир, как показало время, будет хрупок.

Среди тем, которые продолжают в письмах, выделяется характер общественной деятельности Е. Н. Её зрелость ярко проявляется в позиции, которую она занимает в непростых вопросах современных событий. Среди них — продолжающаяся Русско-турецкая война. Она в восторге от встречи с героем сражений доктором Студицким. Продолжается смелый, даже небезопасный разговор о людях, которые мечтают о переустройстве общества. 12 апреля Е. Н. пишет о своем взгляде по поводу студенческой демонстрации, прошедшей 3-го апреля. Причину же этого видит в «*высшей администрации*», в «*публицистах вроде Каткова*». На страницах письма называются такие имена как Нечаев, Засулич, что было небезопасно. Зная характер внучки, бабушка дает совет быть осторожной. Многое для осмысления своей жизни Е. Н. берет у отца, которого уже давно не было в живых, да и помнить она его не могла. Но, прочитывая сохраненные письма к его сестре, она приходит к выводу, что она в «*отца*».

Много в письмах отведено места творческой деятельности, она связана прежде всего с работой в школе и особенно с чтением. Среди прочитанных авторов, которых она советует своему другу — А. де Мюссе, упоминается Э. Золя, у неё на столе на очереди Дж. Милль, который в скором времени будет одолён. Автор книги «О свободе», считавшийся одним из первых феминистов, писал её вместе со своей женой Гарриет Тейлор-Милль и приёмной дочерью Элен Тейлор. Каждая из четырёх глав посвящена отдельной теме. В первой говорится о сложности решения задачи эмансипации женщин. Центральной теме — бесправие женщины в браке — отведена вторая глава. О необходимости допустить женщину к получению любых профессий и должностей повествуется в третьей. В заключительной автор пытается ответить на вопрос о пользе для общества, которое принесёт равноправие женщин и мужчин. Е. Н. находит, что ряд положений для российской женщины «не нужно», главное же необходимость допустить её к образованию.

Она читает и Г. Трейчке — идеолога реакционного пруссачества, германской экспансии, сторонника политики Бисмарка. Мечтает о совместном чтении летом «великих классиков Шекспира, Гете, Шиллера, Лессинга». Шиллера — непременно по-немецки. Е. Н. увлекается философией, читает книгу К. Фишера о Спинозе. Интересуется Ушинским, а его книгу «Человек как предмет воспитания» называет «прекрасной вещью».

В круг общения Е. Н. входят новые имена: её духовник профессор Я. Д. Головин, композитор А. С. Размадзе, археолог А. А. Мартынов.

О разносторонних интересах Е. Н. свидетельствует факт выписки из библиотеки «всех журналов», что свидетельствует о семейной традиции со времен известных дедушек.

Интересует «маркизу» и «маркиза» театр. Е. Н. планирует посмотреть в пьесах Шекспира актера Э. Росси, которого удалось увидеть в «Ричарде III» и «Макбетт». Тема театра находит большое место в письмах С. Ф. Платонова своей двоюродной сестре [Митрофанов, 2021] и особенно в «Тетрадных записках» [Митрофанов, 2021].

Литература и театр, разбор стихотворений, стиль общения являются механизмом, через который Е. Н. воздействует на своего друга. После письма от 15 марта С. Ф. Платонов делает в дневнике 26 числа лаконичную запись: «... получил письмо от маркизы. У нас одна и та же болезнь, тоже желание жить и недовольство действительностью...». И далее: «смотрю я внимательно и на внутреннюю работу посестримы. Вот родная

моей душа!»¹

Немало строк в письмах о школе, где Е. Н. учителствует. Она с любовью относится к своим малюткам, которые забавляют своим непосредственным поведением. Она внедряет на практике новые подходы в педагогике — нравственное влияние.

Среди тем, которые интересуют их обоих — Соня. К ней С. Ф. Платонов был равнодушен, но не находил взаимности. 25 мая есть такая запись в дневнике: «Понимает ли С.Ю., как она действовала на меня собою»². Поведение сестры небезразлично и Е. Н. Она наблюдает за её поведением, склонностями, воспитанием, кругом общения, отношению к образованию. Её окружение, в первую очередь, мать, делали из неё «светскую девушку». Соня менялась, и свои сомнения и выводы Е. Н. честно сообщает другу, советуется с ним. С Соней отношения С. Ф. Платонова прекращаются, переписка ей запрещена, поэтому через сестру она просит, чтобы её письма он «или сжег, или спрятал далеко-далеко». Вероятно, произошло второе, письма были уничтожены. По крайней мере, они до сих пор не выявлены.

Среди новых значимых и интересных тем становится университет, студент С. Ф. Платонов писал о своих впечатлениях. Особенно она активно будет развиваться в переписке с В.Н. Беркутом, который только за сентябрь написал письма 3, 4, 15, 25 и 30. Такой частоты больше не будет. Они во многом дополняют письма Е. Н. Теперь поток благотворного влияния увеличивается.

Заслуга Е. Н. в том, что между молодыми людьми установились дружеские отношения. Общая тема для обсуждения, в том числе и в письмах — изучаемые курсы, стиль преподавания профессоров, университет — как особая форма существования для молодёжи, её ожидания и возможности изменить общество. Поэтому жажда получать новую информацию, которая не всегда приходила вовремя, угнетала юного студента. Об этом свидетельствует и запись в дневнике 3 ноября: «Из Москвы нет никаких писем. Вероятно, там неладно, или, что меня тоже беспокоит, может быть мои откровенные письма заставили призадуматься. Поделом мне будет. Ну что ж?! Разве нельзя прожить как-нибудь, по-скотски, лишившись друзей? А живу я теперь печально, прозябаю»³. Действительно, после письма от 30 сентября В. Н. Беркут напишет только 7 де-

¹ Дневник С. Ф. Платонова//ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1217. Л. 26, 32.

² Дневник С. Ф. Платонова//ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1218. Л. 20 об.

³ Дневник С. Ф. Платонова//ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1219. Л. 4 об. — 5.

кабря. А Е. Н. после 3 октября напишет только 13 ноября и небольшую записку от 18 октября. Причиной были, прежде всего, семейные нелады. Её знакомство с В. Н. Беркутом было встречено настороженно, даже враждебно со стороны матери. По всей видимости, ей готовили другую партию.

Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову
(отдел рукописей Российской национальной библиотеки.)
Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2273. Л. 36—67 об.; Д. 2274. Л. 1-21 об.)

№ 25

// л. 36. 26 февраля 1878 г.

Ваше письмо я получила, очень рада, что вам хорошо, спешу несмотря на боль в руке¹ написать вам хоть несколько слов, чтобы вы не волновались. У меня на обеих руках нарывы, боль страшная, поэтому скоро и напишу, а писать есть очень много чего. Масленицу провела прелестно, танцевала у Поповых несмотря на больные руки до 5-ти часов; довальсировалась с Деконским до дурности, но танцевать не перестала. Желала бы вас с ним познакомить, он мне очень симпатичен, умница, да еще какая. Еще интересное² // л. 36 об. знакомство — читали в Н[овом] Времени про д-ра Студицкого, он был на Зеленых горах при Скобелеве³. Очень интересен из ряда вон по уму, но пребедовый. Я видела его раз, если наше знакомство продолжится, напишу свое мнение о нем вам, теперь еще не составила. Простите я говеть буду, писать больше не могу, ужасно больно. Да хранит вас Бог. Маркиза.

Р. S. А знаете ли, чтобы впереди мне не предстояло, маркиз, (Поза) прав: Жизнь все-таки прекрасна! Мне кажется, в этом году должно быть что-нибудь необыкновенное, новое, не знаю что.

// л. 37 Студицкий герой, это несомненно, но он немного рисуется своим геройством, но ведь это извинительно. Он желает быть знакомым с нами. Ну тоже — пусть. У него, по мнению всех, красивая наружность, но мне не нравится — он брюнет. До свиданья, не могу...⁴

¹ Это заметно по изменению почерка, которым написано письмо.

² Карандашная помета С. Ф. Платонова: «См. II., 2. 1878».

³ Подробнее см.: Молодецкая битва на Зеленых горах и подвиги Тотлебена и Скобелева с портретом генерал-адъютанта Тотлебена. М.: издание книгопродавца А. И. Манухина, 1878. 35 с.

⁴ Здесь и далее многоточия в ркп.

Новый 1879 год принесет С. Ф. Платонову не одну замечательную страницу в общении с его московскими друзьями, как, впрочем, и немало огорчений.

Нумерация публикуемых писем продолжает переписку, представленную в предыдущем номере данного издания [Митрофанов, 2020, с. 154—171].

№ 26

// л. 38. Симонов. 7 марта 1878 г.

Вы сами этого хотите, хорошо, сегодня я не стану отводить в моем письме полстранички моим чувствам, хорошо, я выскажу, что у меня на душе; может быть и легче будет, но как жаль мне огорчать вас, мой бедный друг! Как мне хочется уже взявшись за перо, бросить его, писать другое письмо, отложить его до завтра. Что пользы и вам, и мне если вы узнаете, что моя веселость, мой смех только минутные порывы, только возбуждение, после которого непонятная, беспричинная хандра, еще пуще одолевает меня? Что мне делать? Не знаю. От чего я страдаю? Не знаю. Чего я хочу? Жизни, жизни настоящей, деятельной, полезной, обильной и делом, и счастьем. На что я теперь нужна, какую приношу пользу, чем дорожу?

// л. 38 об. Если б не некоторые дорогие мне личности, я бы готова хоть сейчас умереть; что это за жизнь, чтоб ею дорожить! Жизнь пуста, бесцветна, ничтожна, пошла! Что за люди, что за общество у нас! Диоген не нашел бы, конечно, у нас человека. Какие цели, какие идеалы, но что я-то за обвинитель? А у меня есть цели, есть идеалы, есть стремления к добру, к лучшему, к высшему идеалу? Ничего, ничего. Что я делаю? Учю в школе по привычке, чтобы занять утро и меньше думать; учусь сама, чтобы заглушить хандру. Я как-то глупая сказала Соне: у меня теперь только две идеи, две заботы: что у нас за обедом, и удастся мне сделать себе хорошенькие летние туалеты. Вот — я. Судите сами, счастлива ли я и не права ли я, когда обо всем этом молчала.

// л. 39. Умереть — уснуть! Сказал Гамлет, как же мне умирать, если моя смерть причинит столько страдания, но и как мне жить, когда я не вижу никакой цены в жизни, когда я и понять-то не могу зачем я существую, коли мне, мне самой⁵ от этого нет ни малейшего удовольствия, ни отрады! Вы скажите на пользу другим; не говорите! Какая же там польза, когда у меня ни к чему серд-

⁵ Здесь и далее подчеркивания в ркп.

це не лежит. Что бы не делать, надо любить свое дело. Что я люблю, кого — себя, да и то я себе препорядочно надоела. Жаловаться мне не на что, слава Богу — я здорова, все мои также, молода и сил у меня и нравственных, и физических надолго бы хватило, все у меня есть, меня балуют и дома, и в обществе, свободы у меня довольно, гораздо больше других девушек, дело есть — чего же... Всякий скажет: с жиру бесится, да, // л. 39 об, пожалуй, оно и правда, но уж какво тяжело перебеситься, ах!..

К чему я это вам пишу: что за вздор; не верьте всему, и, пожалуйста, или сожгите, или бросьте, или спрячьте далеко-далеко это глупое, безумное письмо. Я уже хотела его рвать; но нет, прочтя его, вы, надеюсь, во мне разочаруетесь, чем скорее, тем лучше; я, знаете, и сама-то в себе разочаровалась и мне **все-все** на свете надоело и опротивело! Лекарства нет, придет хандра и уйдет опять; но почему она меня так долго, так неотступно мучает опять в эту зиму. Прочтите стихи Толстого. «Бывают дни, злой дух меня тревожит»¹ — вот что я чувствую, но только мой злой дух не днями, а неделями. Да, после Масленицы настал великий пост и когда он кончится... Бог весть // л. 40., я говела, но как видите, молитва не помогла мне. Надо ждать и терпеть. Теперь довольно. Мама и Соня в Москве, Соня тоже грустит и хандрит, но не без причины, не стану вам описывать, при свидании она все сама расскажет, с ней поступили дурно, без всякого повода. Но она все же спокойнее меня; счастливый характер; у нее другой темперамент и кровь-то в жилах у нее течет медленнее, и нервы ее менее чутки; оно и лучше, покойнее; в этом я бы желала походить на нее. Недурно бы ей было прибавить немного откровенности, а то она всех запугивает своей недоступностью, и никто не хочет верить, что под внешностью гордой, светской девушки милый человек. Она меня утешает, я ее, да ведь это всегда бесполезно.

// л. 40 об. Подарил мне недавно А. А. Мартынов² иллюстрации к Некрасову, чем премного утешил меня; вы верно видели в Петербурге эти картинки. Но знаете ли, что я не могу писать ни о чем, все будет натянуто, и так я лучше кончу это несчастное письмо и напишу вам другое; очень я была рада, что вас так все хвалили. Хорошо

¹ Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — граф, писатель, поэт, драматург, переводчик, член-корреспондент императорской Санкт-Петербургской АН.

² Мартынов Алексей Александрович (1818—1903) — русский архитектор, археолог и реставратор, автор ряда трудов по истории архитектуры и москвоведению.

еще, что у меня есть такой друг, которому можно сказать все-все, горькое, что на душе. Будьте здоровы, берегите себя, хоть для меня, хоть я и не стою. Можете писать к 15-му. Христос с вами. Посестрима.

№ 27

// л. 41 Симонов, 15 марта 1878 г.

Вы ошиблись: вы меня не поняли и слава Богу, стало быть мое письмо вас не огорчило так, как я этого боялась; по вашему письму я вижу, что вы иначе истолковали мою хандру и потому-то вы и не разочаровались. Теперь вы уже подготовлены, я доскажу остальное: Вы думаете, я хочу дела? Ошиблись, школой я занимаюсь по обязанности или для того, чтобы развлечь свою хандру, школа мне надоела, чтение меня не удовлетворяет, работа валится из рук, думать, размышлять я не способна. Я оживляюсь в обществе, я весела на вечер для того, чтобы по возвращению домой еще больше загрустить, еще глубже почувствовать свое ничтожество, пустоту и невозможность выйти из нее. Вы говорите, что я веду светскую жизнь, сохранила и то, и се, но я не знаю, что; во-первых, я никогда не вела светской жизни, мои // л. 41 об. немногие выезды не могут считаться выездами светской девушки, напротив, я веду жизнь довольно однообразную, довольно занятую, изрядно прерываемую развлечением; выезд раз в две недели, раз в неделю, еще не светская жизнь, так ли выезжают светские девушки! Да, но ужаснее всего это то, что моя теперешняя жизнь мне в тягость, что дом, вся обстановка, весь порядок, всё, к чему я должна бы привыкнуть, что я прежде так любила, всё это, к несчастью, мне надоело. Меня не удовлетворяет ничего, значит... вы понимаете, что это значит? То, что я прежде довольствовалась этой жизнью, не скучала ни ее однообразием, ни делом, это все было напускное, это было лишь навеянное разными влияниями; да и не это одно, а все мои идеальные стремления, серьезные наклонности, желание трудиться, все это вздор и чепуха, мыльный пузырь, который теперь разлетелся в прах, и моя натура берет свое, восходит на свет Божий, и я должна // л. 42. сознаться, что я не более, как пустая, пустейшая, светская барышня. Ничто не помогло: ни серьезное образование, ни общество умных людей, ни хорошие веяния — у меня одно на уме — общество, выезды. Ах, нет! Только большой свет; он меня не привлекает, заглянув в него немного, я отшатнулась — я там видела ничтожество. Видите, как я противоречу себе и так постоянно: неправда ли приятное состояние? А мне все-таки хотелось передать вам, высказать вам хоть немного, что

меня гнетет; я вас огорчаю, но это мое право, вы мой друг; недавно я прочла фразу, которая поразила меня своей правдой:

Etrange chose, que l'homme, qui souffre, nuille faire souffrir, aux qu il aeme¹. Я никогда не понимала этих стихов Лермонтова, но теперь я их чувствую.

И скучно и грустно и некому руку подать
В минуту душевной тревоги;
Желанья!.. что пользы напрасно
и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы....

О неудовольствии светом, ее оно не устраивает.
// л. 42 об.

В себя ли заглянешь; там прошлого
нет и следа,
И радость, и горе, и все так ничтожно.
Любить? Но кого же...

Нет, выезды меня не удовлетворяют; пустота нашей молодежи меня возмущает, все Сережи, да еще с минусами. Напр[имер], у Мосоловых, если бы вы видели, если бы вы знали, что за пустота, что за хроническое ничтожество царит у них; сами они далеко ушли, светские пустые девушки, не злые и не добрые, так себе, ничего. По правде сказать, мне не нравится, что Соня так увлекается этим обществом, она находит, что я строго сужу, но в душе со мной соглашается, а ездит туда; у нее нет другого дома и ее это тешит. Очень я боюсь, что ей все-таки успели привить много черт светской девушки; ее воспитали в этом духе; конечно, ее здравый смысл и доброе сердце уцелели, слава Богу, но отпечаток есть. Я ее слишком люблю, чтобы оставаться к этому равнодушной, но что же делать? Она любит меня, мы очень дружны, но все-таки мое влияние слабость, да может быть и лучше, я сама-то очень хороша теперь.

// л. 43. Во мне теперь ничего нет; да ничего; как и вы говорите, что у вас нет идеалов, так и у меня юношеские идеалы разлетелись, я ни для чего не хочу трудиться, и, если б не бабушка, с каким восторгом я бы умерла. А между тем, как мне жить хочется; разве я жила, разве я живу? Кубок счастья только коснулся моих губ, я узнала его прелесть, но не насладилась им. Быть счастливой? Кто имеет право быть счастливой, за что мне счастье, когда тысячи страдают? А модным говорят одно, мне, мне счастья, а другим все равно. Что хорошо, честно это? А между тем я такая, я

¹ Странно то, что человек, который страдает, может заставить страдать людей, которых он кормит — с фр.

никого, я ничего не люблю, я страдаю, а почему? Мне ли жаловаться, мне ли просить счастья; всё у меня есть для него; только его самого нет. Может быть и светская жизнь меня удовлетворила бы, будь у нас, т. е. в Москве, получше общество; я не хвастаясь скажу о себе, я — развитие Мосоловых, они, их круг меня не удовлетворяют, а // л. 43 об. может быть найди я людей, я бы успокоилась. Была же я спокойна и счастлива, все завидовали моей неистощимой веселости, несокрушимой бодрости и энергии; неужели это навсегда улетело?.. Жить или не жить, вот в чем вопрос теперь для меня; теперь я не живу, я прозябаю; ответ даст время; а теперь довольно, чего я расхныкалась на пяти страницах. Но, пожалуйста, разлюбите меня скорей, я сама себя не люблю, я считала себя человеком — и ошиблась. Вот наказанная гордость! Мое мнение о Гуне; жаль, что я должна высказать его в письме, если б я говорила с вами, я могла бы, следя за выражением вашего лица, может быть изменить, смягчить свои слова. Гун, мне кажется немного сухим, немного черствым; он, вероятно, принесет пользу, но есть ли у него сердце и способен ли осчастливить человека? У него есть общее с Деконским, безыскусственность, отсутствие любезности, скептицизм, тот только увлекается сильно, хотя этого не // л. 44. показывает и до самопожертвования любит сестру. Не могу сказать, чтоб Гун мне очень сильно был симпатичен, но он меня интересует. Другое дело Шаховцев; он принадлежит к числу людей, которыми я могла бы увлекаться, которых я даже могла бы полюбить; может быть только дружески, а, пожалуй, ... Есть ли у него характер? Не нравится мне только, что он презирает все новое, не сочувствую я консерваторам, далее скажу почему. В следующем письме напишите мне побольше про Шаховцева, я люблю теплых людей.

За что вы напали на наших революционеров? Да, они не умеют взяться за дело, да, между ними попадаются очень дурные люди, но разве идеи, распространяемые ими, иногда ошибочно истолкованные идеи, все-таки менее истинны, менее велики; неужели люди, способные увлекаться ими до самопожертвования, так ничтожны? И потом, разве их не ожесточают, не притесняют? Вот от чего я не // л. 44 об. люблю, когда бранят все новое; если б эти идеи торжествовали, если б на стороне их была сила, тогда другое дело, но ведь вы сами знаете? Представительное правление, выборное начало, социальные вопросы, свобода религии, мысли, свобода во всем, разве это не великие идеи? И неужели же люди, не развитые настолько, чтобы понимать их правильно, но тем не менее одушевленные ими заслуживают

одного презрения? Свобода, это великое слово, и это великое благо.

Вы говорите, что у вас одна идея служения образованию народному; благодарите Бога за одну, довольно с вас и этого, и пожалейте тех, которых даже это дело не удовлетворяет; делать хорошее дело, сознавать это и просить себе еще счастья, когда можешь быть полезной. Ведь это заслуживает презрения, да я себя и презираю, а между тем все остаюсь при том же. О, суета, сует и всяческая суета!¹ Я уверена, чтобы вы не делали, вы можете быть полезны, если, конечно, захотите.

// л. 45 Поэтому то я вас и перестаю уговаривать идти на филологический факультет, я серьезно об этом думала, латынь и греческий вам противны, да это и понятно, а между тем, неужели по окончании курса вы будете учителем гимназии? О, конечно, я не желаю Вам этой судьбы, тяжело учить, да и что за узкая сфера, что за однообразие занятий! Профессором вы можете быть и с юридического факультета, там вы можете получить более общее образование, потому что времени довольно много, а между тем хоть вы и будете специалистом, общее образование необходимо. Наконец, с юридического факультета вам легче получить службу, она вам нужна, а человеком вы всегда будете; поэтому делайте как знаете, и да хранит вас Бог.

Будь я мужчина, я была бы или медиком, или естественником, но вам это ведь не по душе?

// л. 45 об. Хочу я на будущей неделе сделать новое знакомство: У Вл[адимира] Ник[олаевича] Беркута есть сестра, с которой мне давно хочется познакомиться; я ее немного знаю с детства, мы виделись в церкви, потом так встречались и она мне очень нравится. Таких девушек мало у нас; она года на два меня постарше, очень, очень умна, образована и дельная; она постоянно работала в школах, а во время войны поехала с поездом, работала до истощения сил и вернулась с тифом; теперь поправляется, брат и отец ее обожают, мать ее своенравная, пустая барыня, любит другую сестру глупенькую, эту же не любит. Я все это знаю от одной общей с Беркутами знакомой, которая и их, и нас очень любит, она все желала устроить мое знакомство с Лизой Беркут, да все не удавалось, а теперь я сама пойду к ним с Масловой; может быть мы с Лизой и сойдемся, во всяком случае она человек, и человек хороший.

¹ Из Библии. В Ветхом Завете (Книга Екклесиаста, гл. 1, ст. 2).

// л. 46. Находясь в хандре, я прочла Alfreda de Musset² «Les confession d'un enfant du siecle»³, романов я почти совсем не читаю, но этот мне понравился, несмотря на многие парадоксы; человек, который писал это, много страдал, много вынес и это вылилось в его книге. Сложная полная противоречий, страстная и честная личность была это, и его искренность, правдивость и глубина заставляет снисходительно смотреть на его пороки или по крайней мере не очень строго судить их. Когда у вас будет время, прочтите это; немного странно, что я вам рекомендую эту книгу, пуританки строго бы осудили меня за чтение такой книги, но я не grude⁴ и смешно бы было не читать книги от того, что ее нельзя читать вслух; это не в духе Золя⁵, я его не люблю за то, что он не любит в грязи валяться, но если у Musset и найдутся неудобные выражения, то зачем же над ними останавливаться: Pour un esprit pur lou et pure⁶

// л. 46 об. У меня сейчас лежит Милль О подчиненности женщины⁷ еще не читала, но собираюсь; очень меня интересует, что он скажет за нас, бедных; и какой способ он найдет освободить женщину, которая захочет подчиниться. А это мы все хотим, право! Видите, что значит писать другу, я немного разгулялась; кабы вы здесь были! Когда вы приедете? Приедете ли еще? Вы, я уверена, совсем меня развеселите. Пишите мне не ранее апреля, очень хотелось бы раньше, но нельзя, что делать. О Соне не беспокойтесь, ее дела устраиваются понемногу; она теперь в Москве, с мамой на весь пост.

Ваша, т. е. подаренная вами кошка, страшно избалована и всех бьет по щекам. Будьте здоровы и умны, кланяйтесь мамаше и думайте часто о вашем друге Маркизе.

P. S. Не забудьте мне написать про Шаховцева, что за человек такой?

№ 28

// л. 47 11 апреля, 1878. Симонов.

Милейший из маркизов! Большое Вам спасибо за карточку, наконец-то я снова увидела моего

² Альфред де Мюссе (1810—1857) — французский поэт, драматург и прозаик, представитель позднего романтизма.

³ «Исповедь сына века».

⁴ Ханжа — с англ.

⁵ Золя Эмиль (1840—1902) — французский писатель, публицист и политический деятель. Один из самых значительных представителей реализма второй половины XIX века.

⁶ Для чистого, чистого и чистого духа — с фр.

⁷ В ркп. название искажено. Милль Джон Стюарт. О подчинении женщины/Соч. Дж. Ст. Милля; пер. с англ. под ред. и с предисл. Г.Е. Благодетелова. СПб.: тип. А. Моригеровского. 1869. 304 с.

друга, ваша прежняя карточка вовсе не походила на Вас, и я с великим удовольствием исполнила Ваше желание уничтожить ее. Соня нашла, что Вы очень изменились, я с ней согласна, на ней Вы смотрите совсем молодым человеком, и Ваша наружность сделалась такую, какую я представляла себе ее по Вашим письмам. Еще раз благодарю, я не снималась, но, когда снимусь, первая карточка будет Ваша; впрочем, я всегда выхожу Бог весть на что похужей и из кокетства сниматься не люблю, но все-таки снимусь. Вашему письму я чрезвычайно обрадовалась, больше чем обыкновенно даже; мне хотелось Вам написать, но я // л. 47 об. все-таки ждала Вашего ответа, а писать есть об чем. Во-первых, мне страшно хочется разболтать Вам нечто, чего я вовсе не должна Вам говорить, и я непременно это сделаю. Видите, в чем дело. Вы приедете в Москву и получите приглашение погостить у нас в Симонове сказала мне бабушка, ей этого хочется; можете себе представить, как я была рада и как мне не следовало бы Вам это рассказывать. Приехать хотя на целый день вовсе не то, что жить вместе, а живя вместе столько можно поговорить, потолковать, да и поболтать. Снова повторятся Харинские дни, а я, уезжая оттуда, написала в свою книжку стихи: «Благодатные мгновенья! Суждено ль им воротиться?» Только чур секрет *ni vu, ni sonni*¹, а то кто же станет доверять такой болтушке?

// л. 48. Вы не ошиблись, хотя мое грустное письмо к Вам не было кризисом, но вскоре после него моя хандра стала понемногу успокаиваться и теперь я почти умница. Не скажу, чтобы меня ничего не заботило и не огорчало в настоящее время: напротив, но все же нет того томительного, поющего чувства, которое я, переводя на язык физических ощущений, могу только сравнить с болью пустого зуба, ничего нет, а больно и больно-то потому, что ничего нет. Я избавилась от этого невыносимого чувства усиленными занятиями и умственными, и физическими; я учила в школе, читала, много шила, к тому же наступила такая теплая, весенняя погода, что как-то и настроение делалось весенним. Теперь снова холод, но я не хандрю, у меня две недели свободы, а потом впереди разные розовые надежды.

// л. 48 об. Кончайте экзамен и приезжайте к Вашему другу студентом; не выдержать экзамена Вы не можете, и я лучше готова подождать недельки две, чем знать, что Вы потерпели неудачу.

Ваше письмо прेमило, оно говорит мне обо всем, что Вас касается, Вы забываете только сказать о своем здоровье и о том, как Вы ему вре-

дите слишком много занимаясь; пожалуйста, не мучайте себя и берегите, Вам целая жизнь впереди. Новая Евгения Ваша, сестра Гуна, мне не нравится, она слишком легкомысленна и кокетлива; да и опасна; Вам, пожалуй, еще менее других, но она вообще барыня: «ой, ой». А мне все-таки нравится Шаховцев, мне кажется, что у него должно быть хорошее сердце. Если он к Вам приедет, Вы надеюсь опишите мне его посещение. Вы видите, относительно С.Н. мое предсказание сбылось.

№ 29

// л. 49 12 апреля

Вы, конечно, знаете грустную историю 3-го апреля?² Побойще мясников с воображаемыми и действительными студентами; это все отвратительно, гадко и глупо; хуже всего статьи Каткова³ и К⁰⁴ по этому поводу, я уже в руки не беру Моск[овские] вед[омости]⁵, потому что, читая их, я так сержусь и прихожу в такое ненормальное состояние, что из рук вон. У меня не настолько хорош характер, чтобы его можно было портить еще. Один мой знакомый медик Д⁶. (я об нем писала Вам, знакомый Сережи П.⁷), говорят, доходит чуть не до нервного припадка, говоря об этом деле; его раз упростили не ходить на сходку, но я уверена, что или студенты что-нибудь затеют он будет между самыми бедовыми; да и как же

² «Но уже 3 апреля 1878 г. в Москве произошло событие, которое вывело Каткова из несвойственного ему состояния растерянности. В Москву, в пересыльную тюрьму были перевезены 15 студентов Киевского университета, высланные за волнения. Московское студенчество, организованное «Землей и Волей», устроило демонстрацию. Сопровождавшие кареты с осужденными демонстранты около университета были зверски избиты обитателями торговых рядов — мясниками, зеленщиками и прочими лавочниками» (Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. С. 87).

³ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — русский публицист, издатель, литературный критик консервативно-охранительных взглядов. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики.

⁴ Эту охотнорядскую бойню Катков назвал «ответом русского простого народа на скандал избранной публики, бывший 31 марта».

⁵ «Неужели Вы думаете, что наши народные массы будут равнодушны при демонстрациях подобного рода, как вчерашняя... — объяснял он события 3 апреля. Если вы хотите жить в мире с русским пародом, не издевайтесь над его верованиями, не будьте бессознательными орудиями врагов его Отечества» (Московские ведомости, 1878, 4 апр., № 87).

⁶ Данкварт.

⁷ Имеется ввиду Попов.

¹ Не видел и не знал — с фр.

иначе? Я не называю его имени сполна, потому что мое письмо очень легко может подвергнуться цензуре, а ведь наши умная // 49 об. администрация по одному намеку на сочувствие молодежи студентам готова поднять гвалт. У меня сделалось такое озлобление против всех этих высокопоставленных подлецов, что я писать-то не могу хладнокровно. Вот они где, возмутители народные! Вот кто поселяет раздор и вражду между разными слоями общества, это публицисты вроде Каткова, честные люди и умники вроде Трепова¹ и Арапова², благонамеренные министры вроде Толстого³, Палена⁴ и др[угие] сокровища! Не учащаяся молодежь, даже не разнокалиберные агитаторы, ни даже Нечаевы⁵ и К⁰ не повредят так России, русскому народу, как наша высшая администрация. Ну, да что писать, подождем свидания, тогда наговоримся. А Засулич⁶? Тоже недурно. Интересно было бы мне видеть, если б это письмо распечатали на почте; бабушка все говорит, будь осторожнее, // л. 50. оно и правда, не для меня, а для Вас; сочтут Вас опасным человеком, когда Вы знакомы с такой бунтовщицей. Я читаю теперь Treitschke⁷ politische Aufsätze⁸, хорошая вещь, только он уж очень немец, направление совершенно прусское, и все-таки немец умный и пишет увлекательно. Читая его, я все более с огорчением убеждалась,

¹ Трепов Фёдор Фёдорович (1809—1889) — русский государственный и военный деятель. С 10 (22) апреля 1873 по 23 мая (4 июня) 1878 г. занимал должность Санкт-Петербургского градоначальника.

² Арапов Николай Устинович (1825—1884) — московский обер-полицмейстер (1866-1876).

³ Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф, русский государственный деятель и историк: обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (23 июня 1865 — 23 апреля 1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882—1889).

⁴ Пален Константин Иванович (1833—1912) — граф, псковский губернатор (1864—1867), министр юстиции (1867—1878).

⁵ Нечаев Сергей Геннадьевич (1847—1882) — русский революционер, один из первых представителей революционного терроризма.

⁶ Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — деятельница российского и международного социалистического движения, писательница. Вначале народница-террористка, затем одна из первых российских социал-демократов.

⁷ Трейчке Генрих фон (нем. Heinrich von Treitschke; 1834 — 1896) — крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, с 1886 г. официальный историограф Прусского государства.

⁸ Речь идёт о книге: «Historische und politische Aufsätze etc» (Исторические и политические очерки и др.). Автор даёт сокращенное название.

как я невежественна; но при всем моем желании, читать больше не успеваю. Романы я совсем отложила, но когда хочется взять что-нибудь полегче, то я и наслаждаюсь поэтами, особенно часто я перечитываю моего друга Гейне. Собираюсь читать на праздниках, но не думаю, что удастся много; хочется ведь тоже и поехать куда-нибудь, и разлечься; молодость берет свое. Я отправлюсь к Поповым, вероятно, увижу там Д., мне очень интересно с ним поговорить о студенческой истории // л. 50 об. и другом прочем; хотя я и видела студентов после 3-го апр[еля] и говорила с ними, но то были по большей части Московские знакомые, лицеисты, да и довольно пустые, светские малые. Все high-life⁹, ну от них проку мало да и скучно мне с ними.

Милля О подчиненности женщины прочла, вещь хорошая; слава Богу, многое, о чем он пишет для нас, русских женщин, не нужно, мы имеем и права, можем сами располагать и собою, и своим имуществом по совершеннолетию; учиться нам надобно, это нам теперь нужнее всего.

На праздниках я собираюсь посмотреть Росси¹⁰, я его один раз видела в прошлом году, но я еще не совсем оправилась после болезни и была так слаба, что впечатление хотя и довольно сильное, не достаточно ясное.

Впрочем, я его видела в глупой пьесе, теперь пойду на Шекспира, не иначе.

// л. 51. У нас на даче будут жить друзья Екат[ерины] Ив[ановны] Романовские, семья состоит из бабушки, матери, молодой замужней дочери, ее мужа и брата, молодого человека Ваших лет; говорят, они милые люди; увидим. Но если Вы приедете, как хорошо будет! Мы уже мечтаем с Екат[ериной] Ив[ановной] какие славные прогулки мы будем делать с двумя Сергееми, Романовский Вам тезка. Может быть и Соня с мамой будут жить у нас, но это еще неизвестно; Вас, конечно, это огорчает, пожалуй, придется довольствоваться только моим обществом. Её не будет, что делать! А знаете, Вам право счастье или может быть несчастье, не знаю, что больше подходит, на Евгений и Софий! Вот Вам совет; будьте осторожны с Екат[ериной] Ив[ановной], она человек недурной, но я с ней не откровенна и Вам не советую, а напротив советую остерегаться.

// л. 51 об. Вероятно, Вы найдете перемену в Соне, я ее нахожу, тогда Вы мне скажите, но мне одной, слышите! Ах, да когда же Вы, наконец, приедете! Я познакомилась с Лизой Беркут, пи-

⁹ Светское общество — англ.

¹⁰ Росси Эрнесто (1827—1896) — итальянский актёр так называемой «школы представления». Часто гастролировал в России (в 1877, 1878, 1890, 1895 и 1896 гг.).

сала я вам об этом? Кажется, нет; впечатление вынесла самое хорошее, это отчасти разогнало мою хандру; человек она, вот что. Брат ее обожает, и она его тоже, между ними, кажется, такая же разница лет, как между мною и вами. Однако прощайте, желаю Вам веселых праздников; поздравьте и поцелуйте от меня Мамашу; можете сами мысленно поцеловать ручку у Маркизы. Кстати, у моей белой Маркизы два прелестных белых Маркизёнка. Отвечать можете хоть сейчас. Будьте умненьким и берегите себя, чтобы приехать здоровым, веселым к Вашему другу Маркизе.

№ 30

// л. 52 18 -17/IV — 78.

Если вы начинаете уже с моими письмами кокетничать, Маркиз, что же будет, когда вы будете в присутствии самой Маркизы? Хотя я, как говорят, и по собственному сознанию кокетка, но до такой степени кокетства я еще не доходила и попрошу Вас дать мне несколько уроков; я, кажется, разучилась. Ваше письмо так мило, что заслуживает скорого ответа, видите; хотя и Маркиза, но и в письме не кокетничаю с Вами, Маркиз; чтоб заставить более ценить, более ждать мои письма, мне бы следовало не отвечать Вам так скоро, но я ни набивать цену, ни лицемерить с друзьями не умею, и все мое кокетство, вся моя хитрость состоит в том, что откровенно и просто высказываю мои чувства. Это, пожалуй, еще хитрее, как Вы думаете?

// л. 52 об. Сегодня у меня был скучный день; мы разным антикам делали визитки, были на цветочной выставке, интересных людей я не видела и должно быть праздники пройдут для меня невесело, что очень грустно, я весь пост сидела дома и работала, хотелось бы повеселиться и погулять, но видно не придется. Надеюсь на лето. Вы ошиблись, моя хандра¹ происходит не всегда от самообличения, нет, мне просто хочется жить, и работать, и наслаждаться, и приносить пользу, и видеть людей, меняться мыслями, впечатлениями, бороться и действовать. Избыток сил — вот что меня тревожит и может быть я найду им исход; меня давно занимает одна мысль, я даже не раз высказывала ее, но не знаю придется ли привести ее в исполнение: если будет война, я желаю ехать с санитарным поездом.

//л. 53 Конечно, это возможно только летом; зимою я не могу бросить школу и если б мне даже пришлось пожертвовать предстоящими мне хорошими днями в Вашем обществе, то для этого дела, не обижайтесь побратим, я бы ими пожертвовала.

Тут много эгоизму, я знаю, если б я уехала на поезде, то отчасти для дела, но отчасти для себя, мне было бы куда тратить свои силы, новая обстановка, новые места и люди несомненно развлекли бы меня; в настоящее время это, пожалуй, чуть не главное мое желание. Перечитывая раз старые письма отца к его сестре, я нашла в них следующую фразу: «Я только понимаю такую жизнь, где нет времени, не заполненного трудом или не занятого удовольствием». Вот жизнь, по-моему, я в отца. Я не собираюсь снова хандрить, я хочу напротив беречься против хандры и... причин ее.

// 53 об. Соня (я ей передала Ваш поклон, она Вам кланяется) теперь не та, что была летом; я знаю, что останется между нами в самом строгом смысле этих слов, и поэтому решаюсь это написать; она теперь колеблется, она стоит на распутье, или вернее, она взошла на один путь и видит проселок, соединяющий ее с другим, она и сделает иногда несколько шагов по проселку, но в конце все снова возвращается на прежний путь. Это притча, а вот ее объяснение, воспитание, все внушения, речи, все было сделано, чтобы из Сони сделать светскую девушку, конечно, не в дурном значении этого слова, и самое лучшее его значение, не мой идеал; Соня умна, но полубразованна, у нее есть верхушки, но нет ничего систематического, основательного ни в познаниях, ни в убеждениях; об этом не хлопотали.

// л. 54. Как умная девушка, не кукла, как большинство наших барышень, Соня не может не интересоваться многими более серьезными вопросами, чем новое платье или спектакль, но ни серьезно думать, ни систематически заниматься, ни делать что-нибудь себе или другим, она не привыкла. Вины ее нет, ее воспитывали светской девушкой, и она есть и будет светской девушкой, умной, довольно развитой, поверхностно знакомой со всеми новейшими идеями, но все-таки светской девушкой. Я не преувеличиваю, не искажаю ничего, это с грустью осознанный факт, и если он не случится, то лишь благодаря какому-либо сильному неожиданному перевороту в ее жизни, такого не предвидится, и она пойдет своим путем. Я ее люблю не меньше, чем прежде, и оттого-то мне больно и // л. 54 об. грустно сознавать это, оттого-то я и изливаю Вам свое переполненное сердце. Ее винить нельзя, если б она и захотела перевоспитать себя, на чем же она будет основывать свое новое направление? Фундамента не положили. Читать ученые книги, заниматься серьезно музыкой, это не есть серьезное отношение к жизни, а отсутствие его есть отличительный и несомненный признак светской девушки; дай Бог, чтоб я ошиблась, но я не думаю. Вас, конеч-

¹ Далее слова «не всегда» — зачеркнуты.

но, все это очень удивит, Маркиз, Вы этого не ожидаете ни от меня, ни от нее, и, вероятно, найдете мое суждение и пристрастным, и строгим, и несправедливым. Но Вы не видели ее в эту зиму, Вы и вообще мало ее знаете, (летом она была другая) а потом Вам Соня помешает, может быть и // л. 55 об. судить беспристрастно. Вы говорите, что я снова сделалась Маркизой, нашла у Вас Ее, но разве она, не Она? Хотя не сейчас, а в Харине! Вспомните-ка. Вчера Соня сказала мне про Вас: «Знаешь ему судьба немного увлекаться Софьями и в них разочаровываться, между тем, как Евгении все сразу производили на него окончательное впечатление!» Не думаю, что это так относительно Евгений, тоже до Софий, то насчет увлечений, она права. И знаете ли, что она мне еще сказала про себя: «За мной ухаживают, тебя, Цапочка, любят!» Это не совсем правда, но доказывает лишь то, что она думает о себе тоже, что и я. Но довольно об этом; что же делать, ее не учили никогда плыть против течения. Расскажу Вам лучше маленький случай: // л. 55 об. А Деконский великий дикарь, он не особенно жалуется женское общество, не знает, о чем говорить с барышнями, никогда не ухаживал и ухаживать не умеет. Его звали к нам, он все обещал и не был; вчера в 9 ½ часов утра звонок, я еще спала, прихожу вниз и нахожу предлагаемую карточку, которую Вы мне сохраните и в целости привезете в Симонов; я была довольна, добилась своего; это тоже все *entre nous*¹, строго *entre nous*. Прошу не делать поспешных заключений, впрочем, Деконский за мной не ухаживает², но я хочу его сделать ручным, и я могу почти ручаться, что он не в последний раз в Симонове. Писала я вам, что Сережа Попов объяснялся мне в любви? Да, еще в третьей кадрили! Так смешно, ужасно. Я его хлопнула веером по носу и // л. 56. дала поцеловать пальчик, он был счастлив; конечно, с тех пор он уже раз 20 повторил тоже самое другим. Как это глупо, что ваши экзамены кончатся в июне, мне так хочется видеть вас поскорей: глупая бумага, глупое перо не умеют передавать того, что никогда не досказывается словами и видно в глазах, в улыбке и движениях. Я попробую с Вами пококлетничать, Маркиз, хотя, уверена, что потерплю фиаско, с Вами я еще не пробовала, но я на беду внушаю такое доверие, что опасности никто не видит. Ведь это обидно, не правда ли? Все равно, что говорят, будто умная женщина непременно непривлекательный урод, ни душой, ни уродом быть не хочется, ну и выбирай. А на мою долю выпала добродетель, вот и живу тут просто беда!.. Писать не смейте мне до

¹ Между нами — фр.

² Смотри выше — примеч. Е. Н.

мая // л. 57. месяца и мучать себя ученьем тоже ни-ни. Вы экзамен выдержите, это несомненно, так, пожалуйста, берегите свое здоровье.

Ну, прощайте, довольны с Вас, письмо и так длинное; если буду в духе, напишу еще как-нибудь, а стану хандрить и писать не буду. Еще уговор, когда Вы мне отдадите карточку Деконского, конечно, наедине, если мне удастся его приручить, я и возьму, если нет, разорву.

Поклонитесь Вашей мамаше. Знаете, если б Вы меня увидели теперь, то нашли бы большую перемену, хотя я здорова, но так похудела, что стала совсем маленькой, худенькой старушкой. До свиданья, Маркиза.

Р. С. Г-н Тесс глуп, о нем в другой раз. Гвоздонович — лисичка, я им не восхищена, а Ваша Посестрима, сонная Маркиза.

*Бабушка благодарит за письмо, Боже мой, я сплю*³.

№ 31

// л. 58 Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1878».

Почти 5 мая, без пяти минут 12 часов.

Сегодня целый день провела у нас Соня, она была мила и проста, но все-таки не харинская Соня; я ей читала Ваше письмо, что доставило ей большое удовольствие, она только не согласна с тем, что Вы не ухаживаете, да и я тоже. Скажите, нет ли у Ваших Круковских родных в Москве, я знаю здесь одного студента Круковского, только умного. Сегодня я в отличном настроении духа, во-первых, у нас первый весенний день, все были дожди и холодно, потом я много гуляла, Вы знаете, я люблю ходить, мои работы приходят к концу, и вообще, что-то хорошо. Но это мне не мешает сейчас проститься с Вами и идти спать; я ложусь поздно, а мне это вредно, я очень похудела и побледнела, хотя здорова. Напишите не раньше 20-го, кончайте блистательно экзамены и берегите себя для Вашей Посестримы.

№ 32

// л. 59. 4 мая 1878 г.

Вчера получила Ваше письмо, не отвечала вечером, потому что устала и рука болела; не думайте, что дурное расположение духа помешало мне написать Вам раньше, напротив, я была в духе в это время, несмотря на сильный ревматизм в мускулах правой руки, мешавший мне писать и вообще что-нибудь делать, не выдаю, где я ухитрилась его получить, но к счастью теперь мне лучше и я снова чувствую себя человеком, а не калеккой.

³ Текст курсивом написан на полях страницы.

Пожалуйста, не вздумайте меня извещать о том, что вы экзамен не выдержали, я и слышать об этом не хочу, это не может и не должно быть, я не допускаю даже мысли о том, что встречу вас иначе как студентом; да и кто же видел, чтобы первого ученика провалили на экзамене. Я буду ждать письма с известием о блестящих экзаменах.

// л. 59 об. А Ваш Шаховцев мне все-таки нравится, несмотря на все это напускное неестественное глумление над всем; что же касается до его суждений о женщинах, если он человек не глупый и самолюбивый, такое суждение вполне естественно; *sauf le respect, qui je Vous dois*¹, все умные мужчины очень любят и кисейных барышень, и дур; они так охотно отдают превосходство мужскому уму и характеру, так любезно дают себя поучать, так удивляются всякой нелепой фразе, сказанной царем создания, такие они женственные и милые, как же их не любить? А умная девушка или женщина, та захочет «свое суждение иметь», станет, пожалуй, рассуждать, спорить, критиковать, ну а Ваш брат этого не любит, как и все деспоты, власть имущие мужчины любят лесть и поклонение.

// л. 60. А все-таки Шаховцев мне нравится, мне кажется, он человек честный и с характером, а это редкость. Не думайте, что Ваше описание револьвера мне наскучило, во-первых, это не могло меня не интересовать, интересуя Вас, во-вторых, как это не странно, а я очень люблю оружие, в особенности, конечно, красивое, и так не смущаясь пишете, хоть о пистонах! От чего Вы не пишете мне ничего о моем суждении про Соню, или Вы со мной не согласны и недовольны моим мнением, или Вы находите его слишком верным, что из двух? Отвечайте. До сих пор оно только подтверждается. Очень я обрадовалась тому, что Вы избрали пансион Труба, я об нем самого плохого мнения и не раз мы спорили с сестрой, которая находит, что там серьезно занимаются; это рассадник светских девушек. (Помета карандашом: I. 24)

// л. 60 об. Два раза видела я Росси в Ричарде III и Макбет, в особенности в последней пьесе он грандиозен, велик; никогда не выносила я из театра такого потрясающего, глубокого, но вместе с тем тяжелого впечатления; в сцене убийства Дункане я просто дрожала, и мне долго после все чудился взгляд Макбета с ужасом рассматривающего свои окровавленные руки. Леди Макбет (Глек-Парети) играла превосходно, но остальные — бледно. Если вы ничего не имеете против этого, мы с Вами будем летом читать великих

классиков Шекспира, Гете, Шиллера, Лессинга? Хотите? А моя мечта читать с Вами Дон—Карлоса Шиллера; милейший Маркиз. Поза! Сестра хочет тоже со мной читать Шиллера по-немецки, в переводе, он много теряет, а одной ей трудно.

№ 33

// л. 61 Карандашная помета С. Ф. Платонова: «20/V 78».

Поздравляю, поздравляю и еще раз поздравляю! Скоро я это сделаю лично, скоро я буду говорить с Вами не на глупой бумаге, а лицом к лицу, буду видеть выражение Ваших глаз, Вашу иногда насмешливую улыбку... Ах, да приезжайте же поскорей, не медлите!

Бабушка Вас поздравляет и велит Вам передать, что надеется видеть Вас скоро у нас и не на один день, а погостить. Так приезжайте же скорее...

Соня и мама будут жить у нас все лето, удовольствие жить с Соней иногда дорого окупается разными приятными сценами, с другой стороны, приходится многое выносить, но я стараюсь быть равнодушной, хотя, конечно, это не всегда удается.

// л. 61 об. О Соне поговорим при свидании, скажу одно, что, когда я передала ей Ваши слова о ее серьезном воспитании, она долго хохотала, да и я тоже. Соня Вам кланяется и сожалеет, что Вы не десятью годами моложе, она бы Вас поцеловала от радости, что вы приедете, а я не ругаюсь, что при свидании я этого не сдела(ю)ла; пожалуйста, не показывайте этого письма никому, про нас Бог весть что подумают! Ваши письма я никому не показываю, да и зачем, рассказываю только то, что и Вы верно говорите всем об экзаменах, о Вашем здоровье. Поздравьте и меня, у нас кончились экзамены в // л. 62. школе и очень хорошо, я свободна и стану отдыхать, да это мне и нужно, мое здоровье немного расстроилось, но это не серьезно. Наши жильцы, Романовские, переехали, молодой Романовский — овца в сюртуке, не более.

Екат[ерина] Ив[ановна] остается у нас все лето, будьте с ней осторожнее, несмотря на то, что она недалекого ума, она хитрая и немного сплетница; вообще характера не совсем приятного.

Итак, до свидания, не пишу Вам более от усталости. Будьте здоровы, кончайте скорей и приезжайте к Вашей Посестриме.

20 мая 1878. Маркизе. Мой поклон мамаше.

№ 34

// л. 63. 3 июня 1878. Симонов.

Маркиз, не думайте, что я Вас забыла или ленилась писать Вам, если не скоро отвечаю,

¹ Кроме уважения я должен вам — фр.

я и сейчас не знаю, как Вам описывать все, что происходит у нас в настоящее время. Живется часто весело, иногда грустно, но вообще живется. Прежде всего дайте поздравить Вас с окончанием экзаменов, я была уверена, что они послужат только к Вашему прославлению. Но более блестящих экзаменов меня радует отзыв Кеневича¹ о Ваших стихах, его намерение печатать их. Талант! О какая это сила и как много Вы можете сделать прекрасного, если у вас действительно талант; я не решалась сама // л. 63 об. высказать это, я не могу судить, потому что мало знаю, мало понимаю, но я только чувствовала, что немного таких, как мой маркиз. Впрочем, не стану Вас хвалить, и лучших людей портили похвалы, Вам нельзя останавливаться, довольствоваться малым, надо идти вперед, подыматься выше.

Мне смешон отзыв Кеневича о том, что вы карьерист, я ли не знаю Вас, и насколько знаю, вы живете не одной головой, а еще более сердцем, высшая наука, высшее знание, лучшая философия — это любовь в самом лучшем смысле этого слова. Она все прощает, покрывает и исправляет; никакое изречение не трогало меня как слова апостола: если я говорю языками ангельскими и человеческими, а любви не имею, то я лишь медь, звенящая... Вам // л. 64. понятна эта высшая наука, и если Вы умеете любить хоть одного человека, то как же Вам не любить людей? Как жаль, что я не знаю Ваших стихов «звуками смутными ныне я полон», не пришлете ли Вы их мне, если они не очень длинны. Конечно, мне приятно будет читать их. Вы их мне пришлите. Мы получаем из библиотеки все журналы, между прочим, и Вест[ник] Евр[опы]. Напишите в каком № и под каким псевдонимом будут Ваши стихи. Одно меня огорчает в Вашем письме, это то, что Ваш отъезд отложен до конца июня, мне так хотелось видеть Вас поскорее, поговорить с Вами побольше и вдруг... Но что делать, надо иметь терпение, в жизни это происходит чаще всего.

// л. 64 об. Если ваш друг Бианки желает писать мне, Бог с ним, пусть напишет письмо, хотя это немного странно, я посмотрю сквозь пальцы на эту проделку; но я надеюсь, что письмо передадите Вы мне, потому что, не взирая на юность Бианки, это все-таки может подать повод к лишним разговорам, а получив письмо через Вас, я об нем умолчу и далее не будет никаких разговоров. Я ужасно хохотала, читая о его намерении, но, конечно, не обижаюсь; если я не хочу, чтобы знали об этом другие, то это для него же самого, над ним станут смеяться.

¹ Гимназический учитель С. Ф. Платонова.

За экспромт благодарю, он очень мил, но Вы нас немножко балуете. Беспокоит еще меня Ваше здоровье, Ваши нервы, берегите себя, что за человек, у которого нет сил, а Вам они нужны.

// л. 65. Я должна отказаться от своих слов насчет Романовского, он далеко не овца, напротив, он очень неглупый добрый мальчик, с большим тактом; к нам с Соней он относится просто и дружелюбно, но еще не очень доверчиво, он вообще недоверчив и самолюбив, но очень симпатичен, немножко кокетка, но вообще юноша с честными воззрениями. Чаще всего у нас бывает теперь Владимир Беркут и Николай Алмазов; Беркута Вы уже немного знаете, я ему тоже говорила о вас, он человек хороший с теплым сердцем и не стыдится этого. За последнее время мы с ним сблизились, он мне симпатичен. Вчера привез мне книгу *L'ancien régime* Тосквиве²; нередко говорим с ним о Вас, и я очень желаю Вас познакомиться. Надеюсь, что вы сойдетесь, он все лето пробудет в Москве.

// л. 65 об. Алмазов — сын поэта³, человек не нов юноша неглупый, остроумный, способный, но поврежденный; его отец умер сумасшедшим, два брата сошли с ума, он очень странен, чуден, иногда болтает лишнее, но забавен, добродушен и честен; это не мой знакомый, а мамин и Сонин, их знакомые вообще мне не симпатичны, но он еще из лучших, летом Вы его не увидите. Не пишу о Соне, лучше переговорим при свидании, да и много еще есть, о чем нам с Вами поговорить, и я надеюсь, что это будет скоро. Не сомневайтесь во мне, я все такая же. Для Вас, как и прежде верная Посестрима; теперь мне живется, если будет тяжело, я помню, что Вы мой друг. Приезжайте, о приезжайте скорее, у нас теперь можно и поселиться, и провести хорошо время. Мой поклон мамаше, Соня Вам кланяется. Маркиза.

Не пишу больше, это письмо бледно, но мне не здоровится — у меня расстроены нервы⁴.

№ 35

// л. 66. Не хочу поздравлять Вас, маркиз, не хочу употреблять избитые формы, казенные фразы, чтобы выразить Вам мое сочувствие. Зачем? Вы и так понимаете, какое впечатление сделало Ваше письмо для меня. Вас с нетерпением ждут в Москве, не одни мы с Соней, не только все наши, но и все наши «малышки», т. е. Романовский и Беркут: Алмазов уехал на кондицию, его

² «Старый режим» автор Алексис де Токвиль.

³ Алмазов Борис Николаевич (1827—1876) — русский поэт-пародист, переводчик, литературный критик, прозаик.

⁴ Текст курсивом написан на полях.

Вы, вероятно, не увидите, тех же двух непременно, потому что Романовский живет у нас, а Беркут бывает очень часто; мы с ним начали читать Историю философии, он вообще займется моим образованием, он умен, привык думать и с очень хорошим направлением: нравственное чувство у него необыкновенно тонко и развито, я с ним в большой дружбе и надеюсь, что и впредь // л. 66 об. это останется также; часто говорим мы о Вас, я много рассказывала ему про моего Маркиза и ему очень-очень хочется с Вами познакомиться; бабушка тоже очень желает видеть Вас вместе, она очень хорошего мнения о Влад[имире] Ник[олаевиче]. Он страшно любит музыку, недурно играет и имеет небольшой, но верный и мягкий тенор. Романовский очень милый мальчик, я его от души полюбила, у него очень много такту, доброе сердце, но, увы, характеру мало. Направление честное. Попов невыносимо глуп, я гостила у него в Сокольниках, и чуть не погибла с тоски. Ждем Вас с большим нетерпением, как только Вы приедете, устроим большую прогулку, все пойдем, своя кампания. Еще с Екат[ериной] Ив[ановной] будьте осторожны, она очень глупа, но очень хитра и фальшива; // л. 67. ее надо опасаться.

Вы может быть недовольны, Маркиз, что я как будто мало радуюсь Вашим пятеркам; не думайте этого, я слишком счастлива, чтобы много об этом говорить. Приезжайте только поскорей, о многом мы с Вами потолкуем; может быть Вы найдете, что я изменилась, как и я, вероятно, найду в Вас большую перемену, но одно осталось тем же, моя дружба к Вам; пожалуй, она еще укрепилась, стала осмысленной и прочной и немудрено, что Ваш друг потребует от вас большой-большой услуги, да еще без всяких объяснений. Готовы ли Вы на это? Верите ли Вы мне настолько, чтоб не спрашивать меня о том, что я сама не скажу и сделать то, что я попрошу, не спрашивая: зачем и почему?

// л. 67 об. Но до этого еще далеко, теперь мне ничего не нужно, нужно поскорей Ваше присутствие; мне так хочется по душам поговорить с Вами. Соня опять стала хорошенькой Соней, только поразвитей, проживши и продумавши еще немного. Человек она хороший, жаль, что у нее крылья связаны, да еще жаль, что и сама она колеблется иногда и не видит своей дороги. Я надеюсь, что и Вы будете иметь на нее хорошее влияние, особенно в умственном отношении, думать мы все не привыкли, Ваше дело, в широком смысле слова, приучить нас. До скорого свидания, Маркиз, спешите обрадовать нетерпеливую Маркизу. 18 июня 1878.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 2273. Л. 36—67 об.

№ 36

// л. 1. 22 августа 1878. Симонов.

Очень я виновата перед вами, маркиз, и оправдываться не стану, а лучше расскажу вам, что происходило и происходит у нас с тех пор, к[а]к вы нас покинули. Во-первых, я была очень удивлена и недовольна вашим официальным письмом, кот[орое] вовсе не следовало писать, но которое все-таки заключало в себе одно слово, по кот[орому] оно не могло бы быть показано — Теориям. Значит ваше письмо не принадлежало ни к одному типу ваших писем, ни к хорошим, кот[орое] никому не надо показывать и кот[орые] мне всегда доставляют большое удовольствие, ни к официальным, кот[орые] удовольствия не доставляют и писаны для теорий. Теперь пишите мне безбоязненно что хотите; ваши письма пройдут без // 1 об. всякого теоретического разговора и вообще на счет вас, кажется, теорий не будет.

У нас теперь живет Алмазов до 1-го сентября, когда откроется школа и он уедет; жаль, что вы не познакомились с ним, человек он хороший, во всяком случае субъект интересный для наблюдения, но я не думаю, чтобы вы с ним сошлись. Он умен, и у него необыкновенно развито чутье, тонкость чувства, чуть не столько же к[а]к и у деда. Да, кстати, о нем; он все такая же прелесть нравственно и умственно, но физически очень изменился: хворает, не спит, не пьет. В следующее воскресенье они всей семьей и с Пигаревым едут в Крым на два месяца; я очень рада за него, надеюсь, что хороший климат, воздух, виноградное лечение ему помогут, а то // л.2 я уже стала опасаться не только за его здоровье, но и за его жизнь: меня С. Д. очень беспокоит и заботы, волнения о нем были отчасти причиной моего молчания; конечно, только отчасти меня беспокоило и другое: у нас опять начались теории, кот[орые], кажется, никогда не кончатся, теперь затишье, я во всем уступчива и покорна, но вы поймете, что я могу быть спокойной. Волнения были так сильны, что я чуть не заболела, теперь прошло. Соня вернулась из деревни хорошая, поездка послужила ей в пользу, не знаю, где они будут жить, но я сама начинаю желать, чтоб они поселились в П[етер]Б[урге]. Размадзе¹ болтает, играет, переводит Гейне по-прежнему, его заботам мы обязаны, что нам сегодня поставили фонари: наши ликуют.

Вы пишите мне, что еще неизвестно // л. 2 об. попадете ли вы в университет в этом году; надеюсь, что да, потерянный год был бы для вас

¹ Размадзе Александр Соломонович (1845—1896) — музыкальный критик, композитор и педагог. В 1869—1875 гг. профессор Московской консерватории, сотрудничал с многочисленными журналами.

очень вреден. Пожалуйста, пишите скорее и человеческое, а не теоретическое письмо. Благодаря тому, что я все это время больше чувствовала, чем думала, я очень мало читала и надеюсь приняться за серьезные занятия. Только после 1-го сентября. Надеюсь, что все у нас будет обстоять благополучно и тогда вы скоро получите от меня предлинное письмо. А теперь второй час ночи и надо идти спать, за последнее время я мало спала и теперь хочу беречься. Вот вам новость; должно быть мы с бабушкой приедем зимою в П[етер]Б[ург]. Довольны Вы? Ну будьте здоровы и умны, пишите скорее. Маркиза.

№ 37

//л.3 25 августа, 1878 г.

Ну можно ли думать такие глупости, такие непростительные глупости, маркиз? К⁰ 6 вас забыла, разочаровалась в вас, к[а]к вам не совестно было писать подобные вещи, вы бы подумали прежде, возможен ли разрыв, такой внезапный разрыв после наших отношений, еще более скрепленных этим летом, для меня по крайней мере? Теперь вы уже получили мое письмо и отчасти успокоились, но я пишу вам, чтобы в вас не осталось ни тени сомнения на мой счет. Я раза три принималась за письмо к вам и бросала, потому что не могла высказать всего, что было на сердце, а писать вам натянутое, обязательное письмо к[а]к-то совестно. Теперь у меня немного лучше на душе, хотя все не особенно //л 3 об. весело, а было до того скверно, что хоть сейчас уходить. Все эти волнения т[а]к подействовали на меня, что я даже расхворалась, конечно, В[ладимир] Н[иколаевич]¹ не знает насколько и вы всегда будете умалчивать об этом, но у меня пошла кровь горлом: я испугалась; но тревога была на этот раз фальшивая, теперь я совсем здорова и даже не кашляю. Теории у нас были в полном ходу, на этот раз действовал весь триумвират, и Соня немало от них потерпела; теперь затишье, т. е. затишье с раздраженным тоном, шпильками и проч. И на этом спасибо, все же лучше. С. Д. уезжает послезавтра со всей семьей в Крым, Пигарев не поедет; я ему не передавала вашего поручения, п[отому] ч[то] не видела его, он все в Москве; кажется, он выходит из училища. С. Д. оставляет мне карточку для вас, я вам ее перешлю к[а]к-нибудь. Не укоряйте В[ладимира] Н[иколаевича] за молчание; во-первых, // л.4 у него было много тяжелых минут в это последнее время и волнения от теорий, и еще разные волнения, потом он уезжал из Москвы, потом возился

с Алмазовым, кот[орого] надо непременно устроить и кот[орый] не умеет сам о себе заботиться. О Соне не пишу ничего, она сама о себе скажет, жаль только (для меня), что они, кажется, уедут на зиму; с ней я все-таки могу душу отвести, а то ведь тоска будет. Е[катерина] И[вановна]² очень мило держит себя за последнее время, настолько мило, что я стала с ней немного пооткровеннее, по крайней мере прямо сказала ей то, что она, конечно, давно уже видела. Она и все принадлежащие к К⁰ вам кланяются. Очень я рада, что вы в университете и что у вас зимою будет много дела; уговаривать вас заниматься, я знаю, не придется, разве удерживать от усиленных занятий. Я начала читать побольше: // л. 4 об. сегодня читала по Фишеру о Спинозе³ и очень увлеклась грандиозными воззрениями его философии. Что за светлая личность! Несмотря на то, что его философия мне кажется далеко неудовлетворительною, я не могу не удивиться его гению. Читаю еще Ушинского, Человек к[а]к предмет воспитания, прекрасная вещь, советую со временем прочесть. 4-го у нас начнется учение, чему я очень рада, полдня будет занято, некогда будет думать и скучать, остальное время буду заниматься. Постараюсь почти совсем не выезжать, хотя у теорий сильное поползновение «развлекать» меня. Хочу я вам предложить один вопрос, и вместе и боюсь я это сделать; ну, да, была не была, слушайте, не обижайтесь и отвечайте.

Если б вы были больны и за вами ухаживала сестра милосердия, неужели вам было бы неприятно, досадно, что у нее на руках еще больные? Поймите и ответьте, а пока прощайте. Маркиза.

Можете писать к 1-му сентября.

№ 38

//Л.5. 10 сентября 1878 г.

Не ответила я вам тотчас по получении письма по двум причинам; во-первых, мне надо было самой успокоиться, а во-вторых, подумать над вашим письмом; теперь, когда и то, и другое сделано, я принимаюсь за ответ. Теории успокоились, у нас, к[а]к бы не сглазить, теперь тишь да гладь, да Божия благодать, отчасти, конечно, и практики сами были виноваты во многом, но ведь во время борьбы трудно всегда сохранять хладнокровие; теперь со мной очень милы и бабушка, и тетка, а, что главное, еще милее и с В[ладимиром] Н[иколаевичем]. Ну я и довольна! Мои дела значат в порядке, ну а ваши к[а]к, не знаю; если су-

² Учительница школы.

³ Фишер Куно (1824 — 1907) — известный немецкий историк философии. Фишер К. История новой философии: Бенедикт Спиноза. М., 2005. 557 с.

¹ Речь идет о Владимире Николаевиче Беркуте.

дить по тому, что написано в вашем письме, //л. 5 об. то должно быть тоже очень хороши, но сама не знаю почему, ваше письмо показалось мне таким чужим, сырым и ...¹ не сердитесь, маркиз, если это несправедливо, не откровенным, не искренним. Я очень хорошо знаю, что вы не станете обманывать меня и я очень упрекаю себя за то впечатление, кот[орое] сделало на меня ваше письмо, и отделаться от него не могу; я знаю т[а]к же, что, если б вы имели что-нибудь на душе чего бы не желали высказать мне, вы бы прямо написали мне этого, мол, я вам скажу, все это я знаю, но все-таки я не вижу в вашем письме того задушевного тона, кот[орого] я привыкла в них встречать. Простите меня, я, вероятно, несправедлива, но, если я пишу это вам, //л. 6. то лишь потому, что дорожу вашей дружбой и желаю поддерживать ее в прежней силе. Не стану я просить у вас откровенности, не стану навязываться на доверие, в этом то и есть прелесть наших отношений, что в них нет стеснения; вы не рассердитесь, если вам всего не выскажу, я тоже не стану от вас требовать откровенности, пока она не сделается для вас потребностью, но мне только показалось ваше письмо чуть-чуть официальным; вот я и спрашиваю вас. Пожалуйста же, не сердитесь, а ответьте мне, ошибаюсь я или нет.

Первое стихотворение лучше всех, хотя в форме есть кой-какие погрешности; во втором и третьем нет Гётовской силы, и, если вы хотите слышать мое искреннее мнение и //л. 6 об. за него не обидитесь, то я вообще желала бы вам более силы в стихах, а вместе и больше звучности; конечно, переводы вещь очень трудная, да еще переводы Гёте и вам много, много придется над ним поработать; да еще жизнь перед вами, успеете.

Очень рада, что занятий у вас много, это хорошее дело, наука, и к[а]к средство, и как лекарство иногда преполезная вещь; впрочем, в минуты сильных душевных потрясений я заниматься совсем не могу. Только учить в школе приходится безразлично, не обращая внимания ни на какое настроение; Я очень рада, что занятия у вас начались, мне гораздо легче живется, когда есть определенные занятия, да и к тому же дело мне по душе.

//л. 7 У меня в классе 13 человек маленьких, кот[орые] еще ровно ничего не знают и с кот[орыми] мудрено пока возиться; я чувствую все недостатки своего образования, своих приемов, но что же делать, надо работать с теми средствами, кот[орые] у меня в руках. Ушинского про-

должаю читать и очень ему благодарна за многие в высшей степени полезные советы.

Получила я письмо от дяди, т. е. С. Д., конечно, не официально; бедный, он не здоров, скучает, на душе у него кошки; буду сейчас отвечать ему, жаль мне его, потому что я знаю к[а]к ужасно тяжело ему живется на свете.

Мне кажется, вы совсем не поняли его, маркиз; он много уже пережил и гораздо развитие относительно своей духовной, душевной жизни, чем кажется, // 7 об. м[ожет] б[ыть] фактических знаний у него не особенно много, но к[а]к он тонко чувствует, к[а]к анализирует и свои, и чужие ощущения, к[а]к несмотря на свое тяжелое горе умеет сочувствовать радости других, жить счастьем других! В его годы тяжело жить т[а]к, к[а]к ему приходится, и я все удивляюсь его необыкновенному характеру и неистощимой доброте. Вы бы очень его полюбили, узнав покороче, я в этом уверена. А знаете ли почему я написала вам про сестру милосердия, имеющую двух больных? Видите, мне показалось, что вам были неприятны мои хорошие, дружественные отношения к деду, точно вы боялись, что моей дружбы не хватит на многих или что он займет ваше место; вот //л. 8 я и написала вам это, чтобы от вас самих получить удостоверение, что подобного рода неудовольствие было бы неосновательно. Вы знаете, маркиз, что я та же осталась к вам, но если я вообще изменилась, то мне кажется, вам можно только радоваться: я счастлива, наконец, и т[а]к счастлива! И что еще лучше, это не мечта, это не увлечение, не преходящее, а прочное и радужное счастье. Могу ли я разлюбить во время счастья своего старого друга, кот[орый] утешал меня во время горя, могу ли я отдать его место другому, кот[орый] тоже искренно любит меня? Разве нельзя быть и вашим другом и в хороших отношениях с С.Д.? Ему иногда нужно мое утешение, и, если вы меня к нему ревновали, перестаньте.

// л. 8 об. Конечно, вы не ревновали меня к В[ладимиру] Н[иколевичу]? Этого я не могу предположить. Нужно мне еще узнать от вас одну вещь; Алмазов будет, кажется, жить у вашей тетки Т[атьяны] Ал[ександровны]. По крайней мере, его хотят туда устроить; очень бы желала знать, что она за человек и к[а]к ему будет там житься. Я уверена, что в материальном-то отношении ему будет хорошо, но не имеет ли она привычки приставать к людям? Извините, что пишу т[а]к откровенно, но что за церемонии между нами? И т[а]к напишите же мне. Бабушка благодарит вас за письмо и желает успехов. Берегите себя, будьте умником, не увлекайтесь С. Н.; мне она все-таки подозрительна, кто ее разберет. Пишите мне

¹ Так в ркп.

около 17-го. В[ладимир] Н[иколевич] поручил вам кланяться, знаете я пишу его имя т[а]к 13/14. Ну прощайте. Маркиза.

№ 39

//л. 9 19 сентября.

Вам грустно, Вам тяжело, вы и сами не знаете, что с вами, вы говорите, что вас надо приласкать, что вы желали бы излить свою душу — что ж, за чем же дело стало? Или у вас нет никого? Или вы думаете, что ваша Посестрима не поймет ваших чувств, не сумеет утешить вас? Помните в Харине, на крыльце, в день вашего отъезда, что сказала я вам: «Если у вас будет горе, приходите ко мне, вспомните московскую старушку, она всегда готова делить его с вами». И теперь скажу то же самое и прибавлю еще — неужели вы думаете, что моя любовь к Владимиру Николаевичу помешает мне быть вашим хорошим другом? Вам тяжело теперь, то и надо говорить с друзьями, теперь //л. 9 об, они и нужны. В ваших письмах звучала надтреснутая нота, я чувствовала, что вы не досказываете, не высказываете, меня это беспокоило, я и писала вам, что ваше письмо не искренно; действительно, оно не походило на прошлогодние, а я чувствовала, что для меня были бы всего дороже, приятнее ваши письма, если б они остались прошлогодними. Вы делаете мне замечание, зачем я говорю вам то, чего не хотела никому говорить, вы к[а]к будто думаете, что я делаю вам уступку, что я против желания, а только для того, чтобы успокаивать говорю вам то, что теперь составляет всю мою жизнь. Ошибаетесь, маркиз: летом я не говорила, п. ч. хотела, во-первых, чтобы вы сами догадались и тогда я никому, //л. 10 кроме сестры, не говорила, теперь же другое дело; в К⁰ в все слишком хорошо видели, чтобы можно было скрывать, а потом мне казалось, что моя просьба относительно передачи письма была для вас достаточным объяснением. Когда мне показалось, что вы не понимаете наших отношений, я еще менее могла сказать, я хотела, чтоб вы их видели, а теперь говорю, п. ч. хочу этого, п. ч. хочу, чтоб мой друг знал, к[а]к я теперь счастлива, какую полную жизнью я живу и остался бы моим прежним, старым, милым другом. Поверьте, теперь я еще более пойму вас, еще искреннее будет мое сочувствие вашим страданиям, вашему тяжелому внутреннему положению; выздоровевшие больные отлично //л.10 об. понимают, к[а]к тяжело тем, кот[орые] еще хворают. Пишите же все, что у вас на душе, пишите, когда и к[а]к хотите, все, что вы мне скажите, останется между нами, если вы не захотите, чтобы кто-нибудь знал это. Если в моей душе звучат ноты торжественного аккорда

(не могу еще сказать, что заключительный аккорд прозвучал, это будет должно быть года через 1 ½, вы понимаете?). То диссонансы в чужой душе будут мне непонятны, и я не сумею в них отыскать наето будущего созвучия? Теперь я еще лучшим другом могу быть, я стала вполне человеком, да еще счастливым. Ит[а]к, жду с нетерпением следующего письма, в кот[ором] надеюсь найти прошлогоднего побратима. Не т[а]к ли?

// л. 11 За отношение к деду побраню; не зная его положения, вы не имеете права судить его. Если б вы знали, маркиз, какие мучения выносит дед, вы бы верно иначе отнеслись к нему; я его за то именно и люблю, что у него много гуманности; он т[а]к входит в положение каждого человека, несмотря на собственные страдания всегда готов забыть себя для другого. Опять повторяю; вы его не знаете совсем, поэтому и не судите его.

Что вы мне пишете про оперу? Пожалуйста, не наполняйте ваши письма заурядными впечатлениями или вовсе не пишите или пишите настоящим образом.

Я думала над вашим письмом и нахожу, что отчасти хаос в вашей //л. 11 об. голове происходит от того, что вы мало высказываетесь, мало вылезаете из вашей скорлупки; я уверена, что нередко вам и люди, и отношения кажутся иными, чем они на самом деле; а попробуйте поговорить с этими людьми, попробуйте заставить их тоже высказаться вам, а для этого также надо и самому немного показать себя и вы увидите многое яснее, ближе.

У вас на душе темно; это мож[ет] быть и переходное состояние, и обилие мысли скорее, чем отсутствие ее. Вас, конечно, все интересует, вам только кажется, что вы равнодушны; а попробуйте-ка бросить занятия, что, не хотите? То-то. На всякого человека находят такие минуты умственной апатии, но это не может // л. 12 продолжаться долго: исход близок.

С.Н. вам опасна, пишите вы: нет, опасность прошла, если вы ее сознаете. В настоящее время я бы всего более желала вам уберечься от сильного чувства; еще знаю немного, впрочем, кто вас знает, может быть и пора уж. Дай вам Бог хорошую! Больше ничего не могу сказать.

Поблагодарите Пигарева за стихи, а главное за память, скажите, что я часто вспоминаю его и очень его жалею, что день нашего свидания отложен на неопределенный срок.

Занятия мои в школе идут ежедневно; у меня 15 человек новеньких, и я стараюсь вести с ними дело, основываясь только на // л. 12 об. нравственном влиянии; без поощрений и наказаний, понемножку ползём. Читаю я, к сожалению, мало; Фишера 1-й том кончила; учусь по-английски, де-

ательно переписываюсь с 13/14 и не вижу к[а]к летит время. И пусть поскорее летит! Алмазову нашли квартиру, только не у вашей тети; в четверг он нас покидает. Да, у нас новость: составился хор, поют 3 девочки, Алмазов, 13/14; мы еще подберём себе баса; это все стараниями Разм[адзе]. Оказывается, что у меня есть голос, довольно низкий, чему я очень рада и сегодня уже разучивала свою партию в квартете. Однако 1 ½; пора спать, завтра надо в 7 ½ часов вставать и в школу. Христос с вами, будьте умник, дорогой побратим, и любите по-прежнему вашу Посетриму.

*Ваши стихи прелесть!*¹

№ 40

//л. 13 3 октября.

Вот хорошее письмо, маркиз, и я им довольна, несмотря даже на то, что из него я все-таки узнала только, что вы хандрите. Но я вижу по этому письму, что вы остались тем же относительно вашего друга, что вы не разочаровались в нем, не разлюбили его и это меня очень успокоило; знаете, меня ведь очень мучила мысль: не виновата ли я в чем-нибудь перед вами, не я ли огорчала вас; теперь я вижу, что если и была я виновата, то все-таки, мой хороший друг, все по-прежнему относится ко мне и мне снова стало легче и покойнее на душе. Действительно, теперь я покойна; это, кажется, первое письмо, кот[орое] я пишу вам в спокойном настроении духа и счастливая; до сих пор //л. 13 об. редко были эти два условия вместе; если я и счастлива была этой весною, то все же не спокойна. А сегодня что-то хорошо на душе, не знаю только надолго ли и надо вам объяснить поч[ему] мне т[а]к хорошо теперь.

Во-первых, 13/14 я видела третьего дня, и увижу м[ожет] б[ыть] в пятницу, он здоров, теорий нет, все дома очень-очень милы с ним, даже больше чем любезны; мать начала его очень хвалить, чудеса, маркиз, уж истинно что чудеса! Дела у меня много, много т[а]к, что я к несчастью слишком мало читаю; читаю я только какие-нибудь 4,5 часов в день; 5 часов в школе, час прогуляешь и проболтаешь, обязательное сиденье от 9 до 11 в гостиной, а по ночам переписка. Я и то не даю себе спать //л. 14 более 7-ми часов, а все времени мало, учиться мне и хочется и надо, и в настоящее время меня единственно беспокоит недостаток умственного² развития и мои малые успехи на этом пути.

Соня с мамой сегодня переехали от нас, будут жить они в Москве, в мебелиров[анных] комнатах. Соня, кажется, довольна; она будет продолжать брать уроки музыки и, кроме того, станет

¹ Текст курсивом написан на полях страницы.

² Слово написано сверху строки.

заниматься теорией. Не пишет она вам сегодня пот[ому], что переезжала и целый день укладывалась, а поручила передать поклон.

Поговорим о вас, маркиз; очень меня порадовало, то что В. Латкин снова к вам вернулся, жаль мне его, да и вы-то очень его любите и эта дружба будет и вам утешением. О С. Н. молчу: трудно судить о ней по вашим отрывочным //л. 14 об. отзывам, но я бы очень желала ее видеть, интересуется она меня: должно быть особа очень неглупая.

Что вы говорите о самовосхвалении, маркиз, меня очень порадовало; а то я боялась, что м. б. мой прямой и, пожалуй, слишком резкий отзыв причинил вам боль; знаете, хорошо знать себя, но надо всегда быть осторожнее в таком деле, тут т[а]к легко увлечься собою. То, что вы согласились со мною, уже доказывает мне, что успехи вы сделали большие; в этом случае сознание непременно есть уже исправление.

Стихи ваши мне не все понравились, лучше всего первое, и форма, и содержание мне нравится, грустны они немного, но все русские поэты таковы, они // л. 15 редко пишут веселые стихи. Жаль мне, что у вас на курсе неурядица, но не унывайте от неудач, надо же кому-нибудь прокладывать дорогу и будить в нашем заснувшем обществе живые интересы. Не теряйте бодрости духа и... не идеализируйте людей, а то еще лишнее горе прибавится — разочарование.

На счет Деда скажу вам, что вы даже не можете сравнивать свою судьбу с его судьбой; вы сами назвали вашу хандру «летней грозой», а у него разбита жизнь и м. б. непоправимо и безвозвратно. Я не стану выдавать чужую тайну, скажу одно, ему было т[а]к плохо, что я ему раз от души пожелала — скорей умереть. А мне тяжело будет потерять //л. 15 об. деда, он человек хороший, но право иногда не знаешь, чего ему пожелать. Я с ним переписываюсь.

У нас новая затея: пение; поем хором все из К⁰ в, т. е. пока нет Деда — пятеро; Раз[мадзе] аккомпанирует; он же уговорил 13/14 брать уроки пения, я радуюсь, очень я люблю, когда он поет.

Школа идет себе понемногу; у меня 16 новеньких, все малыши, с ними пришлось не учиться, а целый месяц только играть, чтобы приучить их к себе; я очень рада, что у меня много таких, кот[орые] ничего не знают, по крайней мере, все что они узнают, узнают в школе. В моем классе нет ни поощрений, ни наказаний, и я хочу добиться //л. 16 послушания, уважения, охоты к учению одним нравственным влиянием. Мудреная же задача, маркиз, чувствую я, что мало во мне всех этих качеств, кот[орые] нужны для этого дела, а не могу бросить: слишком уж я люблю все это.

Катерина у нас все такая же; с лета она стала немного лучше, хорошее лето имело и на нее большое влияние, и она стала искреннее и проще: это шаг вперед.

Рисованием пока не занимаюсь, решительно некогда, и сейчас, взглянув на часы, вижу, что надо кончать письмо, уже первый час, а дело еще есть; слишком поздно я спать не ложусь, обещала беречься. А, кстати: мое здоровье теперь совсем //л. 16 об. хорошо, и я давно, давно, все этим последние годы не была т[а]к здорова, к[а]к теперь. Прошу и вас брать пример с меня и беречься, чтобы не огорчать вашего друга. Можете писать мне каждые две недели; ну, Христос с вами, говорите, что у вас на душе, если хотите. Посестрима.

№ 41

//л. 17 18 октября.

Не волнуйтесь, маркиз, и не огорчайтесь моим коротеньким письмом, оно только предвещает большое, я пишу это лишь для того, чтобы уверить вас, что по-прежнему люблю вас и остаюсь все таким же вашим другом, к[а]к и прежде. В настоящее время я не пишу более, потому что нахожусь в большом волнении и ничего не могу соображать. Скоро напишу все. Христос с вами, ваша прежняя любящая вас искренно Посестрима.

P.S. Не беспокойтесь, мои волнения кончатся благополучно.

№ 42

// л. 18 13 ноября.

Не огорчайтесь моим долгим молчанием, я не могла раньше отвечать вам; теперь вам беспокоится нечего, все ваши друзья здоровы и спокойны. Действительно, пришлось немного поволноваться за этот месяц, но исход этих волнений такой хороший, что право не жаль, что пришлось перенести тяжелые минуты. Все забыто и прошло. Результат вот какой: мои старшие знают о наших отношениях с Вл[адимиром] Ник[олаевичем], ничего против этого не имеют, и не только не препятствуют, но даже сами дают нам возможность //л. 18 об. поговорить наедине: его и тетка, и бабушка очень любят и хвалят; про будущее мы еще не говорили, пока оно далеко, придет время и кроме всеобщей радости ничего не будет. Хорошо? Порадуйтесь, маркиз, за меня, порадуйтесь за меня в душе и скройте эту радость, чтобы никому и на ум не приходило, чему вы рады. Все, что я вам написала, полнейший секрет, и я потому пишу это, что вы сумеете его сохранить.

Еще я не писала вам пот[ому], ч[то] дела у меня много: Ек[атерина] Ив[ановна] нас оставила, школа на моих руках, у меня есть юная //л. 19 помощ-

ница, но все же дела прибавилось, да и учиться мне надо; Право мой Вл[адимир] Ник[олаевич] будет такой умница и образованный у меня, нельзя же мне душой оставаться.

Соня с мамой живет в Москве, в *chambres garnies*¹; вчера мы смотрели к[а]к Соня играла на любительском и благотворительном спектакле, она довольно много выезжает, т[а]к что и читать, и играть ей времени мало, но хотя выезды ей иногда и в тягость, но все-таки тешут ее, она просила вам передать ее поклон и просьбу не писать ей никогда более, т[а]к к[а]к она боится попасться, // л. 19 об. а письма ее или сжечь, или спрятать далеко-далеко. Напрасно вы хандрите, маркиз, не давайте волю этому чувству, право вам нечего горевать; есть у вас и дело, и хорошие люди и даже... маленькое увлечение этой Е. Н. Стеблин-Каменской². Ничего, это не вредно, только будьте осторожны в меру; пора любви еще не пришла для вас и дай Бог, чтобы пришла попозднее.

Ну прощайте, писать больше некогда, будьте умник, займитесь науками, берите пример с меня в этом, а в другом- подождите.

Кланяйтесь вашей матери. Не волнуйтесь, если я не часто пишу, значит некогда. Маркиза.

№ 43

//л. 20 27 ноября 1878.

Бабушка сегодня выехала в П[етер]б[ург] и поручила мне написать вам об этом; вероятно, она пришлет вам сказать, что приехала, но на всякий случай прилагаю ее адрес. Очень я рада, что она немного развлечется, увидит своих старых друзей и родных, услышит новости, словом, обстановка и люди будут там другие, а это ей нужно, она и хандрила, и хворала за последнее время и на ее нервы благотворно подействует эта перемена. Надеюсь, что вам не нужно // л. 20 об. объяснять, почему я не поехала в П[етер]Б[ург] и почему я т[а]к не желаю куда-нибудь уехать, хоть на неделю.

Дела теперь у меня много, времени не хватает на все, и я чувствую, что можно бы было работать больше; но что делать, человек есмь³ и поэтому все человеческое, т[а]к же и лень, мне далеко не чуждо.

¹ Комнаты гармошки — фр.

² См., Коротенко В. В., Стеблин-Каменский И. М., Шумков А. А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские): опыт историко-генеалогического исследования СПб.: ВИРД, 2005. 312 с. Имя Евгении Николаевны (№ 50) упоминается на с. 6, 65, 110—111, 116.

³ Есмь — значить есть, от глагола быть. «Есмь» в переводе с старославянского языка значит «есть», это форма глагола «быть»

За последнее время потеряла я хорошего друга в лице своего духовника и профессора Петровской академии Головина¹. Хороший был человек и примерный священник.

// л. 21 Ваше последнее письмо получила; напрасно вы огорчаетесь запрещением Сони, о причине этого запрещения я писать не буду, а при свидании расскажу; главную роль тут играет страх.

¹ Головин Яков Данилович (1823—1878) — священник, педагог-богослов. С февраля 1866 г. до конца жизни был ординарным профессором православного богословия в Петровской земледельческой и лесной академии и настоятелем академической петропавловской церкви. Умер в Москве 16 (28) ноября.

К вам она относится по-прежнему дружелюбно и чувственно, просила передать вам ее поклон. Очень я рада, что вы теперь успокоились и не мучаете себя бесполезными размышлениями о моей перемене и т. д.; не шутя говорю, что была у меня мама и поэт[ому] писать часто не могу.

Говорила 13/14 что вы ждете // л. 21 об. от него письма: бедный, он так заработался, что я даже боюсь за его здоровье, грешно вам, если вы будете сердиться на моего Владимира за его молчание. Вы знаете, он относится к вам хорошо. Ну, прощайте, бабушка передаст вам мои поручения, будьте умны и здоровы. Маркиза

Адрес бабушки: Моховая, дом Мелиховой, № 22, квар. Германа Антоновича Гизетти.

ОР РНБ. Ф. 585. Он.1. Ч.2. Д. 2274. Л. 1—21об.

Список литературы

1. Брачев, В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов / В. С. Брачев. — СПб. : Астерион, 2010. — 768 с.
2. К вопросу о композиции «Сказок» Салтыкова-Щедрина (из отчета Е. Н. Калайдович) // Известия Азербайджанского государственного университета. Общественные науки. — 1927. — Т. 8/10. Приложение. — С. 40—45.
3. Митрофанов, В. В. Историко-филологический факультет после С. М. Соловьева: профессорско-преподавательский состав и искания передовой молодежи в письмах студента В. Н. Беркута С. Ф. Платонову / В. В. Митрофанов // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. : сб. ст. и материалов / под. ред. А. М. Дубровского. — Вып. 5. — Брянск : ИС, 2019. — С. 151—218.
4. Митрофанов, В. В. «Не имея веры в свое будущее, она вдохнула в меня веру в моё»: письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову (вступ. ст. публик. коммент.) / В. В. Митрофанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2020. — № 2. — С. 154—171.
5. Митрофанов, В. В. «... я друг всякого образования...»: письма С. Ф. Платонова двоюродной сестре Серафиме в 1880-е гг. (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // Петербургский исторический журнал. — 2021. — № 1.
6. Митрофанов, В. В. «Театральные записки» С. Ф. Платонова / В. В. Митрофанов // Вестник «Альянс-Архео». — 2021. — Вып. 34.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 1. P. 82—110.

“It’s Good That I Have Such a Friend...”: Letters to S. F. Platonov by E. N. Kalaydovich

V.V. Mitrofanov

*University attached to the Inter-Parliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community,
St. Petersburg, Russia. viktor-n1962@mail.ru*

The following publication of letters by E.N. Kalaydovich, addressed to the future academician S. F. Platonov, includes a selection for 1878, beginning with February. They continue discussing a number of topics from the previous correspondence, for example, their personal relationships, passion for reading Russian writers and poets. They pay much attention to philosophical works and social events of the epoch. E. N. Kalaydovich continues to

act as an objective reviewer assessing the poetic experiences of her “Marquess”. There is one new topic, that is the emergence of a new acquaintance V.N. Berkut, who increasingly takes up the thoughts and feelings of E. N. Kalaydovich. He is also of interest to S.F. Platonov, according to his diary. After a summer acquaintance in person young people begin to correspond. They discussed mainly the role of university in developing a personality, the disciplines and the level of teaching. Understanding the relations between E. N. Kalaydovich and V.N. Berkut lead S. F. Platonov to the difficulties in communication between “the Marquess and the Marquise”. This almost ends in the break. To characterize their contacts the research studies the letters, the diary notes by S.F. Platonov and gives a reference to the letters by V.N. Berkut. All these sources complement the information and allow creating a picture of a fruitful mutual influence that is very important for all subjects of correspondence.

Keywords: *S.F. Platonov, E.N. Kalaydovich, V.N. Berkut, classical literature, university, social position, social circle.*

References

1. Brachev V.S. *Sluzhiteli istoricheskoy nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.Ya. Frojanov* [Ministers of Historical Science. Academician S. F. Platonov. Professor I. Ya. Froyanov]. St. Petersburg, Asterion, 2010. 768 p. (In Russ.).
2. K voprosu o kompozitsii «Skazok» Saltykova-Shchedrina (Iz otcheta E. N. Kalaydovich) [The Composition of “Stories” by Saltykov-Shchedrin (From the Report by E. N. Kalaydovich)]. *Izvestiya Azerbaydzhan-skogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Azerbaijan State University. Social Sciences], 1927, vol. 8/10. Prilozheniye, pp. 40—45. (In Russ.).
3. Mitrofanov V.V. Istoriko-filologicheskiy fakultet posle S.M. Solovyeva: professorsko-prepodavatelskiy sostav i iskaniya peredovoy molodezhi v pismakh studenta V.N. Berkuta S.F. Platonovu [Faculty of History and Philology after S.M. Soloviev : the Staff and Searches of the Young in the Letters by the Student V.N. Berkut to S.F. Platonov]. *Otechestvennaya kultura i istoricheskaya mysl XVIII—XX vv.* [Domestic Culture and Historical Thought of the 18th—20th Centuries: Collection of Articles and Materials]. Vol. 5. Bryansk, IS, 2019. Pp. 151—218. (In Russ.).
4. Mitrofanov V.V. «Ne imeya very v svoye budushcheye. ona vdokhnula v menya veru v moye»: pisma E. N. Kalaydovich S. F. Platonovu ((vstup. st. publik. komment) [“Lacking Faith in Her Future, She Breathed in Me Faith in Mine”]: Letters to E. N. Kalaydovich to S. F. Platonov (introductory article public comment)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2020, no. 2, pp. 154—171. (In Russ.).
5. Mitrofanov V.V. «... ya drug vsyakogo obrazovaniya...»: pisma S. F. Platonova dvoyyurodnoy sestre Serafime v 1880-e gg. (vstup. st. publik.. komment) [«... I am a Friend of All Education ...»: Letters by S. F. Platonov to his cousin Seraphim in the 1880s. (Introductory Article to the publication, comment)]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2021, no. 1. (In Russ.).
6. Mitrofanov V.V. «Teatralnyye zapiski» S.F. Platonova [«Theatrical Notes» by S.F. Platonov] *Vestnik «Alians-Arkheo»* [Alliance-Archeo Bulletin], 2021, vol. 34. (In Russ.).